

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ
АГРОСИСТЕМЫ:
экономика и социология**
электронный научный журнал

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по
надзору в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций
(Роскомнадзор)

*Свидетельство о
регистрации средства
массовой информации:*
Эл № ФС77-83382
от 03.06.2022 г.

Журнал входит в
перечень рецензируемых
научных журналов,
зарегистрированных в
системе «Российский
индекс научного
цитирования».
№ договора E-Library:
№20-05/09-2

Учредитель:
ФИЦ СНЦ РАН

Адрес учредителя:
410028, г. Саратов,
ул. Рабочая, д. 24

Редакция:
Институт аграрных
проблем – обособленное
структурное
подразделение
ФИЦ СНЦ РАН

Адрес редакции:
410012, г. Саратов,
ул. Московская, 94

Сайт:
[http://www.iagpran.ru/
journal.php](http://www.iagpran.ru/journal.php)
[http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras](http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras)

e-mail: iagpran@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ АПК

ОБОСНОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА НА УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Потапов А.П., к.э.н., ИАЭП РАН

SUBSTANTIATION OF THE INFLUENCE OF THE PROCESSES OF RESOURCE POTENTIAL FORMATION ON THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL PRODUCTION

-4-

Potapov A.P., candidate of economics sciences, Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

ПРОБЛЕМА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕДНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Иосипенко В.Д., к.э.н., ИАЭП РАН

PROBLEMS OF FOOD POVERTY IN THE CONTEXT OF A FORMATION OF A SOCIAL MARKET ECONOMY

-11-

Iosipenko V.D., candidate of economics sciences, Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОСТИ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ

Фисенко Н.А., к.э.н., ИАЭП РАН

THE PROBLEM OF SUSTAINABILITY OF AGROFOOD SYSTEMS IN MODERN DISCOURSE

-19-

Fisenko N.A., candidate of economics sciences, Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА

РАЗВИТИЕ ЭКСПОРТА ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Трифонова Е.Н., к.э.н., ИАЭП РАН

EXPORT DEVELOPMENT OF THE FOOD INDUSTRY IN SARATOV REGION IN MODERN CONDITIONS

-26-

Trifonova E.N., candidate of economics sciences, Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

ОЖИДАЕМАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: ОЦЕНКА МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ КОНТРАСТОВ

Блинова Т.В., д.э.н., ИАЭП РАН

RURAL POPULATION LIFE EXPECTATION DURING THE COVID-19 PANDEMIC: ASSESSMENT OF INTERREGIONAL CONTRASTS

-35-

Blinova T.V., doctor of economic sciences, Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

ПАРАДИГМА ДЛЯ АНАЛИЗА КЛЮЧЕВЫХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОГО СЕЛА В СИТУАЦИИ РОСТА МОБИЛЬНОСТИ ЕГО ЖИТЕЛЕЙ

Великий П.П., д.филос.н., ИАгП РАН

PARADIGM FOR ANALYSIS OF THE KEY PROBLEMS OF THE RUSSIAN RURAL COUNTRY DURING INCREASING RESIDENTS' MOBILITY

-45-

Veliky P.P., doctor of philosophical sciences, Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕЛЬСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ СРЕДСТВ ИКТ В РАЗЛИЧНЫХ ЦЕЛЯХ

Былина С.Г., к.э.н., ИАгП РАН

IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON THE USE OF ICT TOOLS BY RURAL POPULATION FOR VARIOUS PURPOSE

-52-

Bylina S.G., candidate of economics sciences, Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ УЛУЧШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАВЫКОВ РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Бочарова Е.В., к.социол.н., ИАгП РАН

INTERNAL FACTORS FOR IMPROVING PROFESSIONAL SKILLS OF AGRICULTURAL WORKERS

-60-

Bocharova E.V., candidate of sociological sciences, Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

СМЫСЛЫ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Дакирова С.Т., м.н.с., ИАгП РАН

MEANINGS AND BEHAVIORAL CHARACTERISTICS OF A STUDENT YOUTH IN A PANDEMIC

-69-

Dakirova S.T., younger researcher, Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 2. С. 4-10.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(2):4-10.

Научная статья
УДК 338.1

ОБОСНОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА НА УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Андрей Павлович Потапов

Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. В статье проведено теоретико-методологическое обоснование влияния процессов формирования ресурсного потенциала на устойчивость аграрного производства. Выявлены особенности устойчивого развития аграрного производства, связанные с воздействием природных факторов. Выделены основные направления процессов формирования ресурсного потенциала аграрного производства, нацеленные на его устойчивое развитие: обеспеченность необходимыми ресурсами на основе достижения сбалансированности ресурсного потенциала по своей внутренней структуре, реализация потенциала неиспользуемых ресурсов, снижение импортной ресурсной зависимости аграрного производства и развитие импортозамещения в ресурсной сфере АПК.

Ключевые слова: ресурсный потенциал, аграрное производство, продовольственная безопасность, сбалансированность, устойчивое развитие

Для цитирования: Потапов А.П. Обоснование влияния процессов формирования ресурсного потенциала на устойчивое развитие аграрного производства // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. №2. С 4-10.

Original article

SUBSTANTIATION OF THE INFLUENCE OF THE PROCESSES OF RESOURCE POTENTIAL FORMATION ON THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL PRODUCTION

Andrey P. Potapov

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Abstract. The article provides a theoretical and methodological substantiation of the influence of the processes of resource potential formation on the sustainability of agricultural production. The features of the sustainable development of agricultural production associated with the impact of natural factors are revealed. The main directions of the processes of forming the resource potential of agricultural production aimed at its sustainable development are highlighted: provision of necessary resources on the basis of achieving a balance of resource potential in its internal structure, realization of the potential of unused resources, reduction of import resource dependence

of agricultural production and the development of import substitution in the resource sphere of the agro-industrial complex.

Keywords: *resource potential, agricultural production, food security, balance, sustainable development*

For citation: *Potapov A.P. Substantiation of the influence of the processes of Resource potential formation on the sustainable development of agricultural production. Regional agro-systems: economics and sociology. 2022;(2):4-10. (In Russ)*

Введение.

Изменяющиеся внешние условия функционирования российской экономики требуют разработки основных направлений социально-экономического развития страны в сфере повышения конкурентоспособности отраслей и хозяйствующих субъектов, формирования устойчивости экономической системы, обеспечения экономической безопасности, как части общей системы национальной безопасности. Повышение волатильности конъюнктуры мировых рынков, связанное не только с финансово-экономическими явлениями, но и с политическими факторами, особенно актуализирует решение проблемы формирования устойчивой динамики развития всей экономики России, ее основных отраслевых комплексов, региональных экономик, составных элементов экономической системы государства.

Одной из ключевых отраслей российской экономики является агропродовольственный комплекс, основу которого составляет производство продукции в аграрном секторе. Аграрное производство непосредственно формирует конечную продукцию, а также выступает поставщиком сырья для его дальнейшего использования в отраслях пищевой и перерабатывающей промышленности. Кроме того, аграрное производство, ведущееся на сельских территориях, выполняет важную социальную роль их развития, обеспечивая занятость и доходы сельского населения, формируя социально-экономический уклад жизни, способствуя территориально-отраслевому разделению труда и освоению местности.

Аграрное производство использует большое количество ресурсов – трудовые ресурсы, землю, технику и оборудование, удобрения, скот. Совокупность ресурсов, непосредственно участвующих в процессе производства (природно-климатические, социальные, инфраструктурные, внешнеэкономические и т.д.), составляют ресурсный потенциал аграрного производства. Для обеспечения устойчивого развития аграрного производства важное значение приобретает необходимость формирования его ресурсного потенциала.

Цель исследования.

Целью настоящей статьи является обоснование влияния процессов формирования ресурсного потенциала на устойчивое развитие аграрного производства, как основы системы продовольственного обеспечения населения, а также продовольственной независимости и безопасности страны.

Методика исследования.

Расчет потенциала использования ресурсов аграрного производства был основан на нормативном и балансовом методах. В качестве данных, отражающих состояние и динамику ресурсного потенциала, были использованы официальные данные российской и международной статистики. Выполненные ранее расчеты влияния объема и структуры ресурсного потенциала на выпуск продукции и эффективность ресурсного потенциала были проведены по методу степенной производственной функции Кобба-Дугласа с применением корреляционно-регрессионного анализа.

Результаты исследования.

Проблемы рационального использования ресурсов, организации производства и обеспечения потребностей людей в материальных благах и услугах являются одними из основополагающих постулатов теории устойчивого развития. Центральной характеристикой устойчивого развития, с точки зрения его экономического аспекта, является экономический рост. Главным звеном концепции устойчивого развития является снижение негативного воздействия экономического роста на состояние окружающей среды, связанное с вовлечением в хо-

зыйственное использование все большего количества природных ресурсов, с повышением экологической нагрузки на окружающую среду, с истощением невозобновляемых ресурсов. На рациональное использование ресурсов в условиях их ограниченности непосредственно нацелена экономическая составляющая концепции устойчивого развития.

Одним из основных критериев экономического роста является равновесие, характеризующее устойчивость развития экономической системы. Устойчивое экономическое развитие характеризуется способностью экономической системы сохранять равновесную траекторию развития даже при воздействии факторов, которые могут нарушить существующее равновесие, либо при нивелировании воздействия неблагоприятных факторов в ограниченный промежуток времени. По мнению ученых Института народнохозяйственного прогнозирования РАН российская экономика находится в состоянии структурно-технологического неравновесия, характеризующегося неэффективным распределением факторов производства и финансовых ресурсов, которое препятствует формированию устойчивой экономической динамики [1]. Таким образом, здесь прослеживается взаимосвязь устойчивого развития, обеспеченности и сбалансированности ресурсов, а также эффективности их использования.

Устойчивость – это один из аспектов экономического роста. Г.Куранов полагает, что устойчивость, применительно к экономическому росту, является характеристикой, отражающей низкую вариабельность макроэкономических показателей на протяжении длительного срока [2].

На наш взгляд, устойчивость аграрного производства – это поддержание стабильных объемов производства аграрной продукции в течение длительного времени, позволяющее обеспечить потребности населения в основных продуктах питания вне зависимости от складывающихся природных и экономических условий хозяйствования. В аграрном производстве, помимо присущих другим отраслям экономики экзогенных факторов, влияющих на равновесный экономический рост (экономические, социальные, ресурсные, технологические), действуют природные факторы, воздействие которых может значительно отклонять тренд экономического роста от устойчивой траектории. Если на характер использования экономических, социальных, ресурсных и иных факторов в аграрном производстве можно воздействовать мерами государственной политики и формированием соответствующей институциональной среды, то природные факторы не зависят от воздействия человека, к ним необходимо адаптироваться. Важнейшей задачей развития аграрного производства является обеспечение его устойчивого роста на основе использования ресурсного потенциала с целью удовлетворения потребностей в продовольствии [3].

Устойчивое развитие является основой системы обеспечения продовольственной безопасности. В действующей Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации одним из главных национальных интересов государства является устойчивое развитие и модернизация сельского хозяйства. Одной из основных задач обеспечения продовольственной безопасности является устойчивое развитие отечественного производства продовольствия и сырья, достаточное для обеспечения продовольственной независимости страны [4].

Основой устойчивого аграрного производства является обеспеченность предприятий всеми видами ресурсов, необходимых для ведения сельского хозяйства. Обеспеченность достигается в процессе формирования ресурсного потенциала с учетом реального наличия ресурсов, их использования в аграрном производстве, возможностей введения в экономический оборот необходимых ресурсов.

Одним из направлений формирования ресурсного потенциала аграрного производства является снижение доли неиспользуемых ресурсов. Применительно к современной ситуации в экономической сфере аграрного производства возможна реализация потенциала неиспользуемых ресурсов по пахотным землям, минеральным удобрениям и трудовым ресурсам (табл.).

Таблица 1 – Потенциал неиспользуемых ресурсов аграрного производства России

Вид ресурса	Современный уровень использования	Потенциал роста использования ресурса	Возможный потенциал использования
Земельные ресурсы	Посевные площади – 79948 тыс. га	Площадь неиспользуемой пашни – 24205 тыс. га	Рост производства аграрной продукции, повышение продовольственной независимости, формирование экспортного потенциала, поддержание плодородия земель, содействие освоению сельских территорий
Минеральные удобрения	Внесение – 75 кг/га посевной площади (в сельскохозяйственных организациях)	Научно обоснованная норма – 80 кг/га	Внутренне производство минеральных удобрений в несколько раз превышает потребности отечественного сельского хозяйства; переориентация экспорта удобрений на внутренний рынок
Трудовые ресурсы*	Численность занятых – 4011 тыс. чел.	Уровень безработицы в сельской местности 7,9% при средней по экономике 5,8%	Ликвидация дисбаланса в трудовых ресурсах по регионам, по структуре занятых и требований к квалификации работников

Источник: составлено и рассчитано по данным Росстата [5, 6].

Примечание: * по виду экономической деятельности «Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях» в соответствии с актуализированной методикой расчета баланса трудовых ресурсов и оценки затрат труда и в соответствии с ОКВЭД2.

Реализация потенциала использования земельных ресурсов будет связана с необходимостью увеличения технической обеспеченности вновь вводимых и уже используемых земель. По современным нормативным параметрам на 1 млн га пашни необходимо 5,4 тыс. тракторов, что потребует инвестиций в техническую модернизацию в размере более 30 млрд руб. Использование потенциала минеральных удобрений будет зависеть от финансовых возможностей сельских товаропроизводителей и уровня цен на внутреннем рынке, так как в настоящее время только 12,4% от производимых удобрений вносится в почву [5], а остальной объем экспортируется, что связано с высокими спросом и ценами на мировом рынке. Потенциал использования трудовых ресурсов зависит от одновременного действия двух противоположных факторов. С одной стороны, происходит постепенное замещение работников, что связано с развитием инновационной деятельности, цифровизацией производственных процессов, повышением производительности машин и оборудования. С другой стороны, экономический рост в сельском хозяйстве, связанный, в том числе, и с расширением производства, потребует увеличения числа занятых. При этом изменение технологических основ производства предполагает изменение структуры занятых, предъявляет новые требования к квалификации, знаниям, адаптивным способностям человека.

В современных условиях на устойчивость большое влияние оказывает импортная ресурсная зависимость аграрного производства от поставок техники, оборудования, технологий, средств защиты растений, ветеринарных препаратов, генетического материала, семян сельскохозяйственных растений, информационных систем. Санкционное воздействие на российскую экономику препятствует росту устойчивости аграрного производства и требует выстраивания новых логистических схем покупки и поставки ресурсов, которые не производятся в России, совершенствования структуры поставщиков и каналов доставки. Риск снижения устойчивости аграрного производства, вызванный сохраняющейся высокой импортной зависимостью, обуславливается возможностью физического ограничения или прекращения поставок ресурсов из зарубежных стран, ценовой волатильностью мировых рынков товаров и услуг, капитала и валюты, меняющимися транспортными потоками и направлениями, необходимостью перестройки и обновления технико-технологической и информационной основ производственных процессов.

Другим направлением преодоления импортной ресурсной зависимости является реализация стратегии импортозамещения, особенно по ресурсам, производство которых может быть организовано в стране в краткосрочной перспективе и для которых имеется отечественная ресурсная, производственная и технологическая база. Это касается отдельных видов

техники и навесного оборудования, семян, средств защиты растений. Реализация данного направления является одним из приоритетов государственной аграрной политики, в рамках которой принята Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017-2025 годы, продленная впоследствии до 2030 года [7]. В рамках данной программы предполагается реализация мероприятий по повышению доли отечественных ресурсов семенной и племенной продукции, кормов и кормовых добавок, ветеринарных препаратов, средств защиты растений за счет развития импортозамещающих производств.

Обеспечение сбалансированности ресурсного потенциала аграрного производства по внутренней структуре и по соответствию внешним потребностям позволяет обеспечить устойчивый экономический рост в подкомплексах сельского хозяйства и отраслях, перерабатывающих аграрную продукцию. Ранее выполненные авторские расчеты, основанные на применении метода построения степенной производственной функции (по примеру классической функции Кобба-Дугласа), показывают [8], что в России существуют резервы роста производства и эффективности в аграрной сфере за счет совершенствования структуры использования основных ресурсов. Для аграрного производства России важное значение приобретает повышение уровня химизации отрасли, вызванное невыполнением норм внесения удобрений. При научно-обоснованной норме внесения минеральных удобрений в объеме 80 кг/га [9] в настоящее время вносится только 75 кг/га, а удельный вес площади земель с внесенными удобрениями в общей посевной площади составляет 71% по минеральным удобрениям и 9,6% по органическим [10]. Изменение объема и структуры ресурсных затрат аграрного производства на основные ресурсы за счет роста доли инвестиций в повышение химизации приведут к увеличению чистого выпуска продукции минимум на 6,3%. Это способствует повышению эффективности использования потенциала производства за счет прироста выхода продукции в расчете на единицу затраченного ресурса. Повышение уровня внесения удобрений приведет не только к обеспечению устойчивости в экономической сфере, но и в производственной – повысится устойчивость валовых сборов за счет снижения их ежегодных колебаний, связанных с погодными условиями, неблагоприятными природными явлениями, негативными воздействиями болезней и вредителей.

Применяя подход к прогнозированию, использованный в статье [11] и основанный на построении трендов колебаний урожайности зерновых культур в пределах 0,9 до 1,1 от средних значений в зависимости от влияния погодных и ресурсных факторов, можно оценить потенциальный уровень производства зерна в России в 2022-2023 гг. Расчеты показывают, что в указанный период уровень урожайности будет находиться в диапазоне 26-30 ц/га убранной площади. С учетом современных посевных площадей и доли убираемых посевов, а также уровня механизации и химизации зернового хозяйства валовой сбор составит в среднем 125 млн т в 2022 г. и 128 млн т в 2023 г. При условиях благоприятного и неблагоприятного года отклонение урожая зерновых возможно в пределах 112-132 млн т.

Заключение.

Одним из направлений устойчивого развития аграрного производства является реализация процесса формирования его ресурсного потенциала. Основой данного процесса являются достижение обеспеченности ресурсами в соответствии с нормативными параметрами, рост уровня использования имеющихся ресурсов и введение в оборот неиспользуемых ресурсов, таких, как: пахотные земли, минеральные удобрения и трудовые ресурсы. В условиях санкционного давления достижение устойчивого развития аграрного производства РФ будет связано с преодолением импортной ресурсной зависимости за счет диверсификации импортеров и каналов доставки ресурсов, а также развития отечественных импортозамещающих производств. Резервом повышения устойчивости аграрного производства является совершенствование структуры ресурсных затрат, которое приведет к повышению эффективности использования ресурсного потенциала.

Список источников

1. Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России: монография / Под науч. ред. акад. В.В.Ивантера. – М.: Научный консультант, 2017. – 196 с.
2. Куранов Г.О. Об измерении качества экономического роста // Вопросы статистики. 2019. Т. 26. № 7. С. 5-19.
3. Потапов А.П. Ресурсные факторы обеспечения устойчивого развития аграрного производства // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2017. № 2.
4. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. Официальный сайт. – URL: <http://mcx.ru/upload/iblock/62b/62b8c9dc97514c2802af54bd28f7feff.pdf>.
5. Сельское хозяйство в России. 2021: Стат.сб. / Росстат – М., 2021. – 91 с.
6. Труд и занятость в России. 2021: Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – 177 с.
7. Указ Президента Российской Федерации № 687 от 3 декабря 2021 г. «О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. Официальный сайт. – URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/352/3522c79032f3a3f3e91c293f2ff79827.pdf>.
8. Потапов А.П. Формирование ресурсного потенциала аграрного производства как фактор обеспечения продовольственной безопасности России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2021. № 3. С. 49-54.
9. Минсельхоз не ожидает дефицита удобрений для аграриев / Крестьянские ведомости. Официальный сайт. – URL: <https://kvedomosti.ru/news/https-tass-ru-ekonomika-11070919.html>
10. Основные показатели сельского хозяйства в России в 2021 году / Росстат. – М., 2022. – 65 с.
11. Кутенков Р.П. Прогнозирование урожайности зерновых культур как фактора продовольственной безопасности России / Информатизация в АПК: состояние, тенденции, перспективы. – М.: ВИАПИ имени А.А.Никонова: «Энциклопедия российских деревень». 2012. – С. 276-279.

References

1. Structural and investment policy in order to ensure economic growth in Russia. *Scientific consultant*. 2017: 196. (In Russ)
2. Kuranov G.O. On measuring the quality of economic growth. *Questions of statistics*. 2019; 26(7):5-19. (In Russ)
3. Potapov A.P. Resource factors for ensuring sustainable development of agricultural production. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2017;(2). (In Russ)
4. The Doctrine of food security of the Russian Federation / Ministry of Agriculture of the Russian Federation. Official website. – URL: <http://mcx.ru/upload/iblock/62b/62b8c9dc97514c2802af54bd28f7feff.pdf>. (In Russ)
5. Agriculture in Russia. Rosstat. 2021:91. (In Russ)
6. Labor and employment in Russia. Rosstat. 2021:177. (In Russ)
7. Decree of the President of the Russian Federation No. 687 of December 3, 2021 "On Amendments to Certain Acts of the President of the Russian Federation". Ministry of Agriculture of the Russian Federation. Official website. – URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/352/3522c79032f3a3f3e91c293f2ff79827.pdf>. (In Russ)
8. Potapov A.P. Formation of the resource potential of agricultural production as a factor of ensuring food security in Russia. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2021;(3): 49-54. (In Russ)
9. The Ministry of Agriculture does not expect a shortage of fertilizers for farmers / Peasant vedomosti. Official website. – URL: <https://kvedomosti.ru/news/https-tass-ru-ekonomika-11070919.html> (In Russ)
10. The main indicators of agriculture in Russia in 2021. Rosstat. 2022:65. (In Russ)

11. Kutenkov R.P. Forecasting the yield of grain crops as a factor of food security in Russia. *Informatization in agriculture: state, trends, prospects*. 2012: 276-279. (In Russ)

Информация об авторе

А.П. Потапов – кандидат экономических наук

Information about the author

A.P. Potapov – Candidate of Economic Sciences

Статья поступила в редакцию 27.06.2022; одобрена после рецензирования 07.07.2022; принята к публикации 13.07.2022.

The article was submitted 27.06.2022; approved after reviewing 07.07.2022; accepted for publication 13.07.2022.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 2. С. 11-18.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(2):11-18.

Научная статья
УДК 332.021

ПРОБЛЕМА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕДНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Владимир Данилович Иосипенко
Институт аграрных проблем – обособленное структурное
подразделение Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Саратовский научный центр Российской академии наук»,
г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. В статье поддержана необходимость трансформации современной национальной экономики в социальную рыночную экономику, отличительной чертой которой является рост уровня и качества жизни населения на основе технологической модернизации. Рассмотрены важнейшие инструменты сокращения продовольственной бедности: расширение использования концепции минимального гарантированного дохода с учетом опыта развитых стран, реализация идеи безусловного базового дохода, снижение региональной дифференциации уровня жизни, совершенствование системы субсидий для оплаты жилищно-коммунальных услуг.

Ключевые слова: социальная рыночная экономика, продовольственная бедность, региональная дифференциация, минимальный гарантированный доход, среднедушевое потребление продовольствия, безусловный базовый доход/

Для цитирования: Иосипенко В.Д. Проблемы продовольственной бедности в контексте формирования социальной рыночной экономики // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. №2. С 11-18.

Original article

PROBLEMS OF FOOD POVERTY IN THE CONTEXT OF A FORMATION OF A SOCIAL MARKET ECONOMY

Vladimir D. Iosipenko
Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State
Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Abstract. The article supports the need to transform the modern national economy into a social market economy, the hallmark of which is the growth of the life level and quality of the population on the basis of technological modernization. The most important tools for reducing food poverty are considered. They include expanding the use of the concept of a minimum guaranteed income, taking into account the experience of developed countries, implementing the idea of an unconditional basic income, reducing regional differentiation in living standards, improving the system of subsidies for paying for housing and communal services.

Key words: social market economy, food poverty, regional differentiation, minimum guaranteed income, per capita food consumption, unconditional basic income

For citation: Iosipenko V.D. Problems of food poverty in the context of the formation of a social market economy // Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(2):11-18.

Введение.

В настоящее время в научном сообществе обсуждается вопрос о необходимости трансформации российской экономики в социальную рыночную экономику. Целями осуществления данного процесса является повышение продолжительности и качества жизни, быстрый рост экономики на основе технологической модернизации. Первым этапом данного процесса является активизация государственного вмешательства в экономические процессы для устранения возникших деформаций [1]. К целям назревшей экономической трансформации относят: повышение доли среднего класса как в условиях континентальной рыночной экономики (Австрия, Германия) до 70 %, выравнивание условий жизни в масштабе государства на его различных территориях, прекращение сверхконцентрации населения и финансовых активов в мегаполисах. Экономика развития предполагает рост удельного веса малого и среднего бизнеса в валовом внутреннем продукте до 40-50 %, сокращение доли сырья в экспорте до 30-40 %, снижение зависимости от высокотехнологичного импорта до 30 - 40 %, создание квазирыночной среды внутри крупнейших компаний с государственным участием, переход к истинной федерализации бюджетной системы, когда значительная доля доходов поступает в местные бюджеты, реализация национальной программы дешевой ипотеки, формирование конкурентной рыночной среды и т.д. Одной из существующих социально-экономических деформаций национальной экономической системы является наличие продовольственной бедности, то есть невозможности достижения экономической доступности основных продуктов питания малообеспеченными группами населения, формирование платежеспособного спроса в этих группах на уровне ниже рациональных норм потребления [2]. Картина бедности неоднородна, она имеет ярко выраженную региональную окраску, что влияет на тенденции в сфере потребления продовольствия.

Цель исследования – обосновать комплекс институциональных мер, направленных на решение проблемы продовольственной бедности в рамках формирования социальной рыночной экономики, включающих долгосрочные и оперативные инструменты повышения реальных располагаемых доходов малообеспеченных групп населения.

Методика исследования.

В процессе исследования направлений трансформации современной системы социальной защиты, нацеленной на снижение уровня бедности, были использованы познавательные методы: выявление и разрешение противоречий, постановка проблемы, построение гипотезы и т.д.; методы-операции: анализ, синтез, сравнение, абстрагирование и конкретизация. Использование метода группировок позволило выявить наличие межрегиональной дифференциации параметров сферы потребления основных продуктов питания.

Результаты исследования.

Региональная дифференциация денежных доходов населения является определяющим фактором дифференциации потребления продовольствия в разрезе территориальных составляющих национальной экономической системы [3]. Так, в 2020 году денежные доходы в расчете на душу населения в месяц составили в Центральном районе 48226 рублей, что выше, чем в среднем по РФ на 33,7 %. В то же время в Северо-Кавказском федеральном округе средний доход составил 24427 рублей, что ниже среднероссийского уровня на 32,4 % [4]. В разных регионах России на одну и ту же денежную сумму можно приобрести различный набор товаров и услуг [5]. Дифференциация доходов населения, уровня жизни и бедности видна из данных таблицы 1, в которой в региональном разрезе представлена динамика соотношения среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума в целом по России и по субъектам РФ. Причем в каждом федеральном округе выбраны два региона – с наибольшим и наименьшим уровнем данного соотношения в 2020 году.

Таблица 1 - Динамика соотношения среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума в субъектах РФ (%)

Регион	2013	2015	2018	2020
РФ	351,6	311,9	323,4	318,9
Центральный федеральный округ				
Костромская область	244,8	241,5	242,6	237,0
г. Москва	528,7	410,4	429,7	437,0
Северо-Западный федеральный округ				
Республика Карелия	265,1	221,6	226,6	230,0
г. Санкт-Петербург	440,5	374,5	409,6	420,4
Южный федеральный округ				
Республика Калмыкия	169,9	178,8	188,6	190,5
Краснодарский край	357,9	334,8	336,7	329,2
Северо-Кавказский федеральный округ				
Республика Дагестан	323,0	307,3	278,1	267,7
Республика Ингушетия	217,8	174,5	166,6	162,8
Приволжский федеральный округ				
Республика Марий Эл	240,6	212,8	220,8	215,0
Республика Татарстан	441,8	421,1	386,4	372,4
Уральский федеральный округ				
Курганская область	257,4	224,9	212,5	210,7
Ямало-ненецкий автономный округ	487,1	426,6	499,2	543,7
Сибирский федеральный округ				
Республика Тыва	172,7	158,8	156,8	171,8
Новосибирская область	299,8	245,0	267,8	265,1
Дальневосточный федеральный округ				
Еврейская автономная область	219,1	190,4	192,5	181,9
Чукотский автономный округ	415,7	382,8	365,5	382,4

Примечание: составлено автором на основе статистических данных [6]

Данные таблицы 1 свидетельствуют о значительной дифференциации денежных доходов населения и уровня бедности внутри федеральных округов. Так, в Центральном федеральном округе значение рассматриваемого показателя колебалось в интервале между 437,0% (г.Москва) и 237,0% (Костромская область), в Северо-Западном округе - между 420,4% (г.Санкт-Петербург) и 230,0% (республика Карелия), в Южном округе - между 329,2% (Краснодарский край) и 190,5% (Республика Калмыкия). Можно констатировать, что по сравнению с 2013 годом во всех субъектах РФ произошло снижение рассматриваемого показателя. В целом по РФ его сокращение в 2013-2020 г.г. составило 32,7 п.п. Наибольшее превышение среднедушевых доходов над величиной прожиточного минимума имело место в Ямало-Ненецком автономном округе – 543,7 %, а наименьшее – в республике Тыва (171,8 %). Анализ представленных данных свидетельствует ещё об одной социально-экономической деформации, которая должна быть устранена по мере формирования социальной рыночной экономики. В научной литературе сложилось аргументированное мнение многих аналитиков о том, что современный прожиточный минимум является чертой нищеты, а в качестве порога бедности должен выступать минимальный потребительский бюджет, который больше прожиточного минимума примерно в 3 раза. Тогда мы видим, что среднедушевые доходы населения России лишь немного выше уровня бедности, определяемой на основе минимального потребительского бюджета. Данная социально-экономическая деформация нуждается в объективной оценке и корректировке с использованием комплекса соответствующих институциональных мер.

Существующая межрегиональная и внутрирегиональная дифференциация доходов населения обуславливает территориальные различия в уровне жизни и параметрах сферы потребления продовольствия [7]. Как видно из таблицы 2 помимо дифференциации доходов по территориальному признаку имеет место дифференциация потребления важнейших продуктов питания. Так, потребление мясных продуктов в среднем по округу характеризуется наибольшими параметрами в Центральном, Северо-Западном, Южном федеральных округах.

Наименьшие параметры среднедушевого потребления мясных продуктов характерны для Северо-Кавказского, Приволжского, Сибирского и Дальневосточного федерального округов. Наибольшие показатели потребления молока и молочных продуктов в 2020 году отмечались в Северо-Западном федеральном округе – 300,2 кг в год на человека, минимальные - в Дальневосточном федеральном округе - 237,4 кг на человека в год. Можно отметить недостаточно рациональную структуру потребления в Северо-Кавказском федеральном округе, где потребляется максимальное количество хлебных продуктов - 132,8 кг в год на потребителя, картофеля - 70,1 кг, сахара – 37,2 кг, в то же время имеет место потребление относительно небольшого количества рыбы – 18,4 кг. В то же время здесь значительное среднедушевое потребление овощей и фруктов, максимальное среди других регионов (125,7 кг и 89,3 кг в год, соответственно). К особенностям национальной культуры потребления следует отнести достаточно высокое потребление в данном регионе молочных продуктов - 298,3 кг, а как результат невысоких доходов следует рассматривать значительное потребление масла растительного, являющегося продуктом «низшей» категории – 12,9 кг. На формирование такой структуры питания оказывают влияние, как низкие доходы населения, так и национальные традиции потребления, природно-климатические особенности региона. Структура потребления в территориальных составляющих Дальневосточного федерального округа, где отмечаются наименьшие в стране уровни потребления по всем основным продуктам, кроме рыбы и растительного масла (25,7 кг и 11,3 кг), также определяется, как социально-экономическими, так и природно-климатическими факторами.

Таблица 2 - Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах по федеральным округам РФ в 2020 году (кг)

Продукты питания	Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
Хлеб и хлебные продукты	92,7	85,0	93,3	132,8	99,0	90,4	92,4	92,2
Картофель	56,0	53,7	53,1	70,1	55,5	47,7	64,6	53,7
Овощи и бахчевые	104,7	103,0	123,9	125,7	99,8	98,3	91,9	83,5
Фрукты и ягоды	78,1	78,6	77,3	89,3	77,2	79,2	69,1	67,4
Мясо и мясные продукты	99,4	91,4	96,6	82,5	88,8	91,8	86,7	86,4
Молоко и молочные продукты	286,1	300,2	265,9	298,3	261,7	260,7	246,4	237,4
Яйца	251	238	253	227	237	226	231	219
Рыба	25,1	18,5	22,2	18,4	21,1	21,6	21,2	25,7
Сахар	29,4	31,6	31,0	37,2	32,8	32,3	29,3	28,2
Масло растительное и другие жиры	9,7	9,7	11,5	12,9	10,3	10,0	10,5	11,3

Примечание: составлено автором на основе статистических данных [4]

Межрегиональная дифференциация основных параметров сферы потребления продовольствия определяется действием группы факторов, а именно: различиями в уровнях социально-экономического развития региона, состоянием регионального рынка труда; развитием рыночной инфраструктуры, специализацией и экспортной ориентацией региона, его инвестиционной привлекательностью и конкурентоспособностью.

В условиях существования явления бедности в нашей стране важна разработка и реализация стратегических и оперативных мер институционального характера на основе изучения опыта стран с развитой рыночной экономикой в данной сфере. Идея минимального гарантированного дохода (МГД) реализовывалась в той или иной форме в европейских странах после Второй мировой войны. Во всех странах Европы, начиная со второй половины двадцатого столетия, действуют государственные институты, через которые общество поддерживает домохозяйства, не имеющие по разным объективным причинам дохода или располагающие низким доходом. В последние годы констатируется, что происходит постоянный рост затрат

на функционирование этой системы социальной защиты. Большое разнообразие воплощения данной идеи в практическую плоскость связано со многими факторами не только экономического порядка, но и особенностями культурного менталитета той или иной страны [8]. В связи с этим невозможна прямая трансплантация институтов, связанных с идеей минимального гарантированного дохода, в нашу страну. Страны Европы подразделяют на четыре группы с близкими принципами реализации минимального гарантированного дохода. Для стран первой группы, куда входят: Бельгия, Кипр, Швейцария, Эстония, Италия, Исландия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Словения и Словакия - характерна минимальная проверка нуждаемости. Во второй группе, объединяющей такие страны, как: Австрия, Греция, Хорватия, Венгрия, Литва, Португалия и Сербия - имеет место значительное число ограничений при компенсационных выплатах. Для третьей группе, в которую включают: Германию, Великобританию, Польшу, Латвию и Македонию - характерны жесткие требования для компенсации утраченного дохода, но для большей части населения характерна, так называемая, «категориальная» поддержка (поддержка таких категорий населения, как инвалиды, безработные с детьми и т.д.). В четвертой группе европейских стран, таких, как: Мальта, Франция, Ирландия, Румыния - идея минимального гарантированного дохода отличается множественностью подходов к её реализации [9]. Относительно новым направлением воплощения идеи минимального гарантированного дохода в Европе является предоставление средств по принципу нуждаемости с учетом имеющихся в домохозяйстве активов, а не по категориальному принципу.

Идею минимального гарантированного дохода не следует путать с концепцией безусловного дохода. Идея безусловного дохода, о которой все чаще говорят отечественные политики, далеко не нова. Под базовым безусловным доходом понимается сумма, которую государство выплачивает гражданину страны как форму рентных платежей. Ее размер не связан ни с его деятельностью, ни с его экономическим положением или социальным статусом. Следует отметить, что идея базового безусловного дохода имеет большую историю длиной в несколько столетий. В качестве примера может быть приведен штат Аляска в США, где с 1980 года базовый безусловный доход в форме дивидендов получают все жители, живущие в этом регионе более года [10]. Подобный опыт имеет место в Канаде, Великобритании, Финляндии, Нидерландах. Противники данного подхода в качестве негативных моментов его реализации обращают внимание на возможное увеличение государственных расходов и возникновение демотивации к труду. Однако сторонники концепции безусловного базового дохода отмечают, что на его выплату используются не средства государственного бюджета, он выплачивается как дивиденды с акций государственных компаний. Наличие базового дохода дает хорошие стартовые условия для любого гражданина и стимулирует его развитие.

Продовольственная бедность представляет собой одну из наиболее острых форм бедности, она может быть преодолена как с помощью прямых форм социальной помощи (продовольственные сертификаты для малообеспеченных граждан), так и форм косвенного регулирования (меры, способствующие повышению реальных доходов малообеспеченных граждан) [11].

Важной мерой, направленной на преодоление бедности, повышение реальных доходов малообеспеченных слоев населения может стать совершенствование системы субсидий на оплату населением услуг жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ). В настоящее время гражданин имеет право на получение субсидий на оплату жилищных и коммунальных платежей, если его расходы составляют более 22 % от полученных доходов, при этом, если речь идет о семье, то рассматривается весь совокупный доход семьи. В 2020 году Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ (Минстрой России) было предложено в течение пяти лет сокращать порог получения субсидии с 22 до 15 %, что приведет к росту числа получателей данной субсидии и будет влиять на снижение бедности и рост реальных доходов населения [12]. Следует отметить, что уже сейчас есть регионы, которые снижают уровень выдачи данной субсидии: 27 регионов установили порог ниже общероссийского стандарта в 22 %; в 24 регионах для выдачи субсидии максимальная доля расходов се-

мы на квартплату составляет от 15 до 21 %, в трех – менее 15 %. Например, в Москве предельная величина расходов на оплату коммунальных платежей установлена на уровне 10%, Санкт-Петербурге - 14%. Целесообразно вовлечение в данный процесс всё большего количества регионов. По данным Росстата в 2019 году субсидии на оплату услуг ЖКХ получали 3 млн. российских семей, из бюджета на эти цели было выделено 70 млрд. рублей. Если порог предоставления субсидии снизится до 15 %, то, по мнению аналитиков, на выплату данной льготы потребуется дополнительно около 30 млрд. рублей, при этом может быть охвачено до одного миллиона человек [13]. Субсидия на оплату услуг ЖКХ представляет собой государственное денежное пособие, которое оформляется на полгода, затем семья или одинокий гражданин вновь подтверждает свое право на данный вид социальной поддержки, предоставляя в соответствующие органы справку о доходах и другие необходимые документы. Проблемой существующей системы выдачи субсидий является то, что далеко не все малообеспеченные граждане могут её получить. В настоящее время льгота на оплату услуг ЖКХ может быть представлена только лицам, не имеющим долгов за оплату жилищно-коммунальных услуг, а бедные слои населения не всегда в срок могут это сделать. По мнению специалистов необходимо отработать институциональный механизм предоставления субсидий на оплату услуг ЖКХ, отразив условия реструктуризации долгов за услуги ЖКХ. Другой существенной проблемой получения малообеспеченными гражданами данной льготы является сбор большого числа документов для получения субсидии, иногда количество требуемых справок достигает более тридцати наименований.

Понятие бедности является многоаспектным, при этом о тенденциях динамики уровня жизни можно судить не только по таким параметрам, как изменение темпов роста реальных располагаемых доходов населения или численности населения с доходом ниже прожиточного минимума. Проведение социологических опросов по разным аспектам жизни россиян может показать вектор изменения уровня жизни в целом и отдельных групп населения. В частности, в социологическом обследовании, проведенном в первом полугодии 2021 года, приняли участие 200 респондентов из 414 населенных пунктов в возрасте старше 18 лет. Всех опрошиваемых можно отнести к экономически активному населению, работающему на территории работодателя. Предметом обследования послужил сбор информации об организации обеда респондентов [14]. Опрос показал, что 58 % опрошенных приносят еду из дома, 17 % обедают в столовой организации или им на работе готовит повар, 10 % обедают в кафе, столовых, ресторанах. Следует отметить, что по сравнению с 2018 годом увеличилось число лиц, приносящих еду из дома на 7 п.п., обедающих в столовой организации сократилось на 2 п.п., обедающих в кафе и ресторанах - уменьшилось на 5 п.п. Женщины гораздо чаще предпочитают приносить еду из дома (70 %), мужчины делают это реже – 46 %. Интересно, что такая форма обеда на работе практически не зависит от возраста: работники до 24 лет приносили еду в 63 случаях из ста, от 25 до 44 лет – в 57 случаях, старше 45 лет - в 60 случаях. Как показало исследование в наибольшей степени на форму обеда оказывал влияние уровень дохода. При ежемесячном доходе до 30 тысяч рублей еду приносят порядка 70 % опрошенных, при зарплате от 80 тысяч рублей в месяц - 43 % респондентов. Работники, предпочитающие такую форму обеда, считают её более выгодной с точки зрения экономии времени, но, прежде всего, с точки зрения экономии денежных средств, кроме того это, как правило, более здоровая еда.

Методические вопросы измерения бедности в настоящее время находятся в процессе постоянного совершенствования. В основе современной методики оценки бедности лежит концепция относительной бедности, также статистическими органами предлагается два направления совершенствования методических аспектов измерения бедности: использование индексов немонетарной бедности и отказ от расчёта потребительской корзины. Индексы немонетарной бедности представляют собой совокупность инструментов, отражающих социальную исключённость, многокритериальную бедность и материальные депривации. Использование индексов немонетарной бедности расширяет объем информации о данном явлении, описывая его не в абсолютном денежном выражении, а по другим направлениям, ис-

пользуя относительную оценку. В ходе такого обследования выявляется доля семей, которая не может себе позволить те или иные блага [15].

Министерство труда и социальной защиты РФ в условиях перехода на новую методику определения черты бедности на основе медианного дохода предложило упразднить институт потребительской корзины, о чем было сообщено на федеральном портале ведомства [16]. Также предложено не устанавливать величину прожиточного минимума ежеквартально. На наш взгляд, зарубежный опыт показывает, что возможно сочетание расчета абсолютной и относительной бедности. В условиях переходного периода адаптации к новой более прогрессивной методике расчета относительной бедности и быстрого роста цен на продовольственные товары целесообразно сохранить определение потребительской корзины для более точного учета фактора инфляции.

Заключение.

В условиях назревшей необходимости трансформации современной национальной экономики в социальную рыночную экономику, отличительной чертой которой является рост уровня и качества жизни населения на основе технологической модернизации, важно всестороннее обоснование направлений смягчения уровня бедности, в частности, продовольственной бедности. Для преодоления данного негативного явления целесообразна реализация идеи безусловного базового дохода, снижение региональной дифференциации денежных доходов, совершенствование системы субсидий для оплаты жилищно-коммунальных услуг, повышение величины прожиточного минимума. Ранее Росстат использовал потребительскую корзину для расчета прожиточного минимума и минимального размера оплаты труда (МРОТ). Новая методика определения черты бедности опирается на медианный доход. На наш взгляд, целесообразно сохранение использования расчета стоимости потребительской корзины в условиях быстрого роста цен на потребительские товары, так как она более чутко реагирует на темп инфляции и может существенно дополнить складывающуюся картину бедности на основе относительного подхода к её измерению.

Список источников

1. Миркин Я.М. Трансформация в социальную рыночную экономику-миф или реальность для России? // Экономическое возрождение России. 2021. № 1 (67). С.48-53.
2. Решетникова Е.Г. Продовольственная бедность и пути её преодоления // Вестник Саратовского государственного университета им.Н.И.Вавилова. 2011. № 9. С.77-79.
3. Решетникова Е.Г. Условия и факторы обеспечения продовольственной безопасности // Региональные агросистемы : экономика и социология. 2010. № 1. С.23.
4. Уровень жизни. Росстат. - URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>
5. Белоусова С., Анализ уровня бедности // Экономист. 2006. № 10. С.65-71.
6. Неравенство и бедность. Росстат. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>
7. Решетникова Е.Г. Стратегический анализ сферы потребления продовольствия: региональный аспект // Региональные агросистемы : экономика и социология. 2015. № 1. С.5.
8. Бутрин Д. Бедность побеждает лень по-разному // Коммерсантъ. 2021. 7 июля. № 116
9. Коуди Д., Джахан С. и др. Схемы гарантированного минимального дохода в Европе. - URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2021/07/02/Guaranteed-Minimum-Income-Schemes-in-Europe-Landscape-and-Design-461341>
10. Деготькова И. Доход ушел на базу // МК. 2021. 10 июня.
11. Решетникова Е.Г. Совершенствование институтов преодоления продовольственной бедности // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 5(44). С.130-132.
12. Деготькова И. Квартплате установят новый стандарт // МК. 2021. 27 мая.
13. Гонтмахер Е. Помощь ошиблась адресом. Как решить проблему бедности в России. – URL: <https://saratov.mk.ru/?noredirect=1>
14. Николаев И. За чей счет обед // МК. 2021. 10 июня

15. Росстат внедрит новые относительные методы измерения бедности. - URL: <https://www.sularu.com/theme/10784>

16. Минтруд РФ предложил упразднить институт потребительской корзины. - URL: https://yandex.ru/news/story/Mintrud_RF_predlozhil_otmenit_potrebitelskuyu_korzinu--0cf46718cee31e658b79f921a43838ee?persistent_id=141013079

References

1. Mirkin Ya.M. Transformation into a social market economy-a myth or reality for Russia? *Economic Revival of Russia*. 2021;1 (67):48-53. (In Russ)
2. Reshetnikova E.G. Food poverty and ways to overcome it. *Bulletin of the Saratov State University named after N.I.Vavilov*. 2011;(9):77-79. (In Russ)
3. Reshetnikova E.G. Conditions and factors of food security. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2010;(1):23. (In Russ)
4. Standard of living. Rosstat. - URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (In Russ)
5. Belousova S., Poverty level analysis. *Economist*. 2006;(10):65-71. (In Russ)
6. Inequality and poverty. Rosstat. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (In Russ)
7. Reshetnikova E.G. Strategic analysis of the sphere of food consumption: regional aspect. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2015;(1):5. (In Russ)
8. Butrin D. Poverty defeats laziness in different ways. *Kommersant*. 2021;116. (In Russ)
9. Kody D., Jahan S. and others. Guaranteed minimum income schemes in Europe. - URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2021/07/02/Guaranteed-Minimum-Income-Schemes-in-Europe-Landscape-and-Design-461341> (In Russ)
10. Degotkova I. Income went to the base. *MK*. 2021. (In Russ)
11. Reshetnikova E.G. Improving institutions for overcoming food poverty. *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*. 2012;5(44):130-132. (In Russ)
12. Degotkova I. The rent will set a new standard. *MK*. 2021. (In Russ)
13. Gontmacher E. Help got the wrong address. How to solve the problem of poverty in Russia. – URL: <https://saratov.mk.ru/?noredirect=1> (In Russ)
14. Nikolaev I. At whose expense lunch. *MK*. 2021. (In Russ)
15. Rosstat will introduce new relative methods of measuring poverty. - URL: <https://www.sularu.com/theme/10784> (In Russ)
16. The Ministry of Labor of the Russian Federation proposed to abolish the institution of the consumer basket. - URL: https://yandex.ru/news/story/Mintrud_RF_predlozhil_otmenit_potrebitelskuyu_korzinu--0cf46718cee31e658b79f921a43838ee?persistent_id=141013079 (In Russ)

Информация об авторе

В.Д. Иосипенко – кандидат экономических наук

Information about the author

V.D. Iosipenko – Candidate of Economic Sciences

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 27.06.2022; принята к публикации 13.07.2022.

The article was submitted 20.06.2022; approved after reviewing 27.06.2022; accepted for publication 13.07.2022.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 2. С. 19-25.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(2):19-25.

Научная статья
УДК 316.423

ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОСТИ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ

Наталья Александровна Фисенко
Институт аграрных проблем – обособленное структурное
подразделение Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Саратовский научный центр Российской академии наук»,
г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. В статье содержатся результаты проведения семантического анализа базового термина «устойчивость» («sustainability»), широко применяемого в англоязычных научных публикациях, и рассматриваются связанные с ним понятия. Приводится систематизация толкований этого термина в двуязычных, специальных и универсальных словарях.

Для определения качеств, свойств и направлений устойчивого развития агропродовольственных систем определяется лексическое поле по данной проблематике, используемое в современном дискурсе. Как показывают результаты анализа, ключевыми понятиями проблемного поля являются: эффективность производства, сохранение природных ресурсов, равный доступ к социально-экономическим ресурсам, устойчивость к внешним воздействиям, эффективное и справедливое управление.

В связи с этим выделяются основные принципы и стратегические направления трансформации агропродовольственных систем с целью укрепления их устойчивости, на которые обращает внимание Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО). Показано, как рассмотренные концептуальные основы нашли свое отражение в разработке «Стратегической рамочной программы ФАО на 2022-2031 годы».

Ключевые слова: устойчивость, дискурс, агропродовольственные системы, устойчивое развитие, трансформация.

Для цитирования: Фисенко Н.А. Проблема устойчивости агропродовольственных систем в современном дискурсе // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 2. С 19-25.

Original article

THE PROBLEM OF SUSTAINABILITY OF AGROFOOD SYSTEMS IN MODERN DISCOURSE

Natalya A. Fisenko
Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary
Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy
of Sciences, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Abstract. The article contains the results of a semantic analysis of the basic term "sustainability", widely used in English-language scientific publications, and discusses related concepts. The systematization of interpretations of this term in bilingual, special and universal dictionaries is given.

To determine the qualities, properties and directions of sustainable development of agri-food systems, the lexical field on this issue is determined, which is used in modern discourse. According to the results of the analysis, the key concepts of the problem field are as follows: production efficiency, conservation of natural resources, equal access to socio-economic resources, resistance to external influences, effective and fair management.

The Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO) draws attention to the main principles and strategic directions for the transformation of agri-food systems in order to strengthen their sustainability. It shows how the considered conceptual frameworks are reflected in the development of the FAO Strategic Framework for 2022-2031.

Key words: *sustainability, discourse, agri-food systems, sustainable development, transformation.*

For citation: *Fisenko N.A. The problem of sustainability of agro-food systems in modern discourse // Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(2):19-25.*

Введение.

В условиях современных глобальных вызовов всё большую актуальность приобретает исследование проблемы устойчивости развития социально-экономических систем. Их сбалансированное гармоничное развитие предполагает обеспечение такого процесса экономических и социальных изменений, при котором природные ресурсы, направления для инвестиций, ориентация научно-технического развития, развитие личности и институциональные изменения согласованы друг с другом и укрепляют существующий и будущий потенциал для удовлетворения человеческих потребностей и стремлений. При этом всё больше внимания уделяется социальной составляющей концепции устойчивого развития, ориентированной на человека и направленной на сохранение стабильности социальных и культурных систем, в том числе на сокращение числа разрушительных конфликтов между людьми. В рамках концепции человеческого развития человек является не объектом, а субъектом развития. Опираясь на расширение вариантов выбора человека, как главную ценность, концепция устойчивого развития подразумевает, что человек должен участвовать в процессах, которые формируют сферу его жизнедеятельности, содействовать принятию и реализации решений, контролировать их исполнение.

В аграрной сфере ориентация на устойчивость предполагает стремление к способности агропродовольственных систем за счёт мобилизации своих внутренних резервов создать такую рациональную структуру производства, которая при проявлении внешних воздействий способствовала бы смягчению неблагоприятных воздействий и получению минимальных отклонений от сложившихся тенденций развития. При этом целью устойчивости является не только внедрение инновационных технологий и сохранение ресурсов экосистем, но и поддержка текущих и будущих потребностей населения, проживающего в сельских регионах.

В этом контексте представляется актуальным исследовать, как проблема устойчивости агропродовольственных систем рассматривается в современном дискурсе.

Цель исследования. На основе проведения семантического анализа и определения тематического поля дискурса по проблеме устойчивости предполагается выделить основные принципы и стратегические направления устойчивого развития агропродовольственных систем.

Методика исследования. В ходе исследования используются методы семантического и сравнительного анализа.

Результаты исследования.

Для определения качеств, свойств и направлений устойчивого развития агропродовольственных систем целесообразно провести семантический анализ базового термина «sustainability», широко применяемого в англоязычных научных публикациях, и рассмотреть связанные с ним понятия. Для этого необходимо, прежде всего, обратить внимание на толкование этого термина в двуязычных, специальных и универсальных словарях.

«Англо-русский современный словарь» трактует «sustainability» как «устойчивость», «устойчивое развитие». В нём также выделяются «environmental sustainability» – «экологическая устойчивость, устойчивость окружающей среды» (предполагает поддержание экологической целостности и запасов природных ресурсов.), «economic sustainability» - «экономическая устойчивость» и «financial sustainability» - «финансовая устойчивость» [1].

В «Англо-русском экономическом словаре» «sustainability» – это устойчивость, которая характеризует общественную и человеческую деятельность, благодаря которой общество и каждый из его членов удовлетворяет свои потребности, не нанося вреда природному потенциалу, т.е. сохраняя равные возможности для существования и развития последующих поколений. Понятие применяется в социально-экономической сфере и экологии. Ключевыми родственными терминами являются: «sustainable» («устойчивый»), «stability» («стабильность»), «sustainable development» («устойчивое развитие») [2].

Обращение к специальным словарям позволяет нам выделить специфические оттенки понятия «sustainability» в разных сферах социально-экономической организации общества. Так, «English–Russian dictionary of Democracy» («Англо-русский словарь демократии») связывает это понятие с концепцией справедливости («concept of fairness»). В «Англо-русском словаре научных и технических трудностей» («English-Russian dictionary of scientific and technical difficulties») «sustainability» определяется как «состоятельность» (осуществимость, например, какой-то программы) и, соответственно, выделяется «экономическая состоятельность» («economic sustainability»). С экологической точки зрения, согласно «Англо-русскому словарю по экологии», речь идёт об устойчивости, долговечности, жизнеспособности, выживаемости. «Терминологический словарь МИД России» трактует «устойчивость», как способность к длительным действиям, а «Cambridge English Corpus» («Кэмбриджский английский язык») - как применение политических, юридических и институциональных мер таким образом, чтобы системы работали устойчиво [3].

В целом ряде англоязычных словарей делается акцент на том, что любое устойчивое развитие предполагает экологическое равновесие. «Cambridge Advanced Learner's' Dictionary» («Кэмбриджский словарь для продвинутых учеников») даёт два толкования рассматриваемого нами термина:

- способность продолжаться в течении определённого времени;
- способность не наносить вреда окружающей среде и, следовательно, продолжаться длительное время [4].

«Cambridge Business English Dictionary» («Кэмбриджский словарь делового английского языка») перемещает его в сферу производства товаров и услуг без нанесения ущерба окружающей среде [5].

О сложности и многофункциональности понятия «sustainability» свидетельствуют его описания в универсальных словарях. Целый комплекс характеристик даёт «Универсальный англо-русский словарь»: самодостаточное развитие или устойчивое развитие, жизнестойкость, экологичность, целостность (в отношении данных), долговременность, возможность самодостаточного развития, неистощительное использование, неистощительное развитие, способность к самодостаточному развитию. С экономической точки зрения - это способность выдержать кризисы, с экологической - выживаемость, долговечность, жизнеспособность, осуществимость, возобновляемость ресурсов, рациональное использование природных ресурсов, социальная и экологическая ответственность [3].

Созвучны определения и «Словаря Мультистран»: устойчивое развитие, способность к самодостаточному развитию, целостность, долговременность, самодостаточная стабильность, жизнестойкость, рациональность в долгосрочной перспективе, экологическая устойчивость, рассчитанное на долгосрочную перспективу социально-экономическое развитие [3].

Исходя из вышеизложенных трактовок, устойчивое развитие можно определить, как развитие, для которого характерны: сбалансированность социально-экономических и экологических факторов, выживаемость, жизнеспособность, ресурсобалансированность, глобаль-

ная рациональность, способность к длительным действиям, экономическая и социальная обоснованность и приемлемость, перспективность и возобновляемость. Все эти факторы необходимо учитывать при исследовании проблем устойчивого развития агропродовольственных систем.

На основе изучения англоязычных публикаций по соответствующей проблематике и отражения проблемы устойчивости агропродовольственного сектора в современном дискурсе можно выделить проблемное поле вокруг термина «sustainability». Как показывают результаты анализа, ключевыми понятиями являются: эффективность производства, сохранение природных ресурсов, равный доступ к социально-экономическим ресурсам, устойчивость к внешним воздействиям, эффективное и справедливое управление.

Эти понятия определяют пять основных принципов устойчивости агропродовольственного сектора, на которые обращает внимание Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО) [6].

Первый принцип — «повышение эффективности производства» — ставит во главу угла механизм трансформации, изменение действующих методов хозяйствования. Если раньше эффективность выражалась преимущественно в терминах урожайности, то в будущем, говоря о повышении продуктивности, необходимо будет учитывать и другие изменения. Всё большее значение будут приобретать производственные системы, в которых учитываются факторы потребления воды и энергии.

Вторым ключевым принципом является «устойчивость сохранения природных ресурсов, сокращение масштабов негативного воздействия и улучшение их состояния». Несмотря на то, что интенсификация оказывает положительное влияние на окружающую среду, поскольку предполагает сохранение сельскохозяйственной экспансии и связанное с этим уменьшение посягательств на природные экосистемы, есть у неё и потенциальные негативные последствия. Наиболее распространённые модели интенсификации сельского хозяйства предусматривают интенсивное использование сельскохозяйственных ресурсов, в том числе воды, удобрений и пестицидов. То же касается животноводства и аквакультуры, где результатом деятельности человека является загрязнение воды, уничтожение пресноводных водоёмов и ухудшение свойств почвы. Кроме того, интенсификация привела к резкому сокращению биоразнообразия сельскохозяйственных культур и животных. Такие тенденции интенсификации сельского хозяйства несовместимы с устойчивым ведением сельского хозяйства и представляют угрозу для будущего производства.

Важным принципом является также «обеспечение производителям надлежащего доступа к производственным и социальным ресурсам и контроля за ними», а также устранение всякого рода социально-экономических дискриминаций. Это может в значительной мере способствовать сокращению масштабов бедности и решению проблемы отсутствия продовольственной безопасности в сельских регионах. Подчёркивается, что сельское хозяйство наиболее трудоёмкий и рискованный вид экономической деятельности. Прямо или косвенно оно является источником средств существования примерно для 2,5 млрд. сельских жителей. И сельское хозяйство может стать устойчивым только в том случае, если оно обеспечивает тем, кто им занимается, достойные условия труда в физически безопасной окружающей среде [6].

Следующий принцип — это «устойчивость к внешним воздействиям». Он предполагает применение технологий, практик и мер политики, которые формируют устойчивость сельскохозяйственных производителей и сельских жителей к таким внешним угрозам, как экстремальные погодные явления, волатильность рынка, гражданские волнения и т.п. Рост изменчивости климата сказывается на положении фермеров и их продукции. С другой стороны, возросшая волатильность цен на продовольствие оказывает влияние не только на производителей, но и на потребителей, у которых не всегда есть возможность с этим справиться. И вместо того, чтобы как-то сократить масштаб этих потрясений, растущая глобализация способствовала их быстрому распространению по всему миру, причём последствия этого для производственных систем становятся всё более непредсказуемыми. В этой связи устойчи-

вость к внешним воздействиям становится важнейшим фактором перехода к устойчивому ведению сельского хозяйства, и здесь следует предусмотреть, как природные, так и человеческие измерения этой проблемы.

Пятый принцип обращает внимание на следующие моменты. Переход к устойчивым моделям производства возможен только при соблюдении правильного баланса реализации инициатив частного и государственного секторов. Включение устойчивости в концепцию агропродовольственных систем подразумевает добавление в экономику такого измерения, как общественное благо. Устойчивости можно добиться только при наличии эффективного и справедливого управления, включающего в себя грамотную политику стимулирования и создание такой институционально-правовой среды, которая обеспечит правильный баланс институтов частного и государственного секторов, а также подотчётность, равенство, прозрачность и верховенство права [6].

Все эти концептуальные основы нашли отражение в разработке «Стратегической рамочной программы ФАО на 2022-2031 годы», девизом которой является «Устойчивый и свободный от голода мир для всех» [7].

Стратегическая рамочная программа ФАО на 2022-2031 годы нацелена на переход к более эффективным, инклюзивным, устойчивым к внешним воздействиям агропродовольственным системам, обеспечивающим улучшение производства, улучшение качества питания, улучшение состояния окружающей среды, улучшение качества жизни и реализацию принципа «Никто не должен остаться без внимания».

В области улучшения производства предполагается обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства за счёт эффективных и инклюзивных производственно-сбытовых цепочек продовольствия и продукции сельского хозяйства на местном, региональном и глобальном уровнях, обеспечение невосприимчивости к внешним факторам и устойчивости агропродовольственных систем в условиях изменения климата и окружающей среды. Определены приоритетные направления осуществления программ: инновации для устойчивого сельскохозяйственного производства, «голубая» трансформация, подход «Единое здоровье», равноправный доступ мелких производителей к ресурсам, цифровое сельское хозяйство» [7].

В области улучшения питания поставлены такие задачи, как: ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и питания во всех формах, включая содействие в получении питательной пищи и расширение доступа к здоровым рационам питания. Приоритетные направления осуществления программ: здоровые рационы питания для всех, питание наиболее уязвимых групп населения, безопасные пищевые продукты для всех, сокращение объёмов потерь и порчи пищевой продукции, прозрачность рынков торговли.

Улучшение состояния окружающей среды в Стратегической рамочной программе связано с задачами защиты и восстановления экосистем суши и моря, с содействием их рациональному использованию, а также с борьбой по изменению климата (сокращение потребления, повторное использование, утилизация ресурсов, обращение с отходами) на основе формирования более эффективных, инклюзивных, невосприимчивых к внешним факторам и устойчивых агропродовольственных систем. Соответственно, разработка программ должна осуществляться по таким направлениям, как: смягчение последствий изменения климата и адаптация агропродовольственных систем к его изменению, использование биоэкономики для устойчивого производства продовольствия и ведения сельского хозяйства, поддержка биоразнообразия и экосистемных услуг в интересах агропродовольственного сектора, обеспечение устойчивости городских агропродовольственных систем.

И, наконец, четвёртое направление связано с улучшением качества жизни, что предполагает содействие инклюзивному экономическому росту путём сокращения всякого рода социально-экономического неравенства (городских и сельских районов, богатых и бедных стран, мужчин и женщин и.п.). Программы предполагается осуществлять по следующим темам: гендерное равенство и расширение прав и возможностей сельских женщин, инклюзивные преобразования в сельских районах, чрезвычайные ситуации в агропродовольственной

сфере, невосприимчивые к внешним воздействиям агро-продовольственные системы, инициатива «Рука об руку» (ИРР), увеличение масштабов инвестиций [7].

Эти четыре направления улучшений отражают взаимосвязанный характер экономических социальных и экологических аспектов формирования агропродовольственных систем, смены парадигмы их развития.

Заключение.

В исследовании проблемы устойчивости социально-экономических систем преобладающей тенденцией становится стремление к синтезу знания, полученного в рамках отдельных научных дисциплин. Наряду с сохранением дисциплинарной организацией науки и усиливающейся специализацией идёт активное формирование междисциплинарного знания и применения междисциплинарного подхода. Это характерно и для современного этапа исследований в сфере устойчивого развития агропродовольственных систем. Интеграция лингвистических и семантических данных в данное проблемное поле позволяет расширить и конкретизировать знания об объекте исследования.

Результаты исследования проблемы устойчивости агропродовольственных систем в современном дискурсе показали, что на передний план выходят такие определяющие факторы их устойчивого развития, как: сбалансированность социально-экономических и экологических процессов, выживаемость, жизнеспособность, ресурсосбалансированность, глобальная рациональность, способность к длительным действиям, экономическая и социальная обоснованность и приемлемость, перспективность и возобновляемость. При этом гуманитарная составляющая является доминирующей, и целью устойчивости является не только внедрение инновационных технологий и сохранение ресурсов экосистем, но и, прежде всего, улучшение качества жизни населения, проживающего в сельских регионах.

Список источников

1. Мюллер В.К. Самый полный англо-русский русско-английский словарь с современной транскрипцией: около 500000 слов. — М : АСТ, 2016 — 144 с.
2. Большой англо-русский экономический словарь. Около 18000 терминов / Составители Иванов С.С., Кочетков Д.Д. — М.: Центрполиграф, 2007.
3. Словари и энциклопедии на Академике. — URL:[https:// dic.academic.ru/](https://dic.academic.ru/)
4. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. — Cambridge: Cambridge University Press, 2008. — 1799 p.
5. Cambridge Business English Dictionary. — Cambridge: Cambridge University Press, 2011. — 858 p.
6. <https://www.fao.org/sustainability/ru/>
7. <https://www.fao.org/strategic-framework/ru>

References

1. Muller V.K. The most complete English-Russian Russian-English dictionary with modern transcription. 2016; 144. (In Russ)
2. Large English-Russian economic dictionary. About 18,000 terms, 2007. (In Russ)
3. Dictionaries and encyclopedias on the Academician. — URL: [https:// dic.academic.ru/](https://dic.academic.ru/) (In Russ)
4. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. — Cambridge: Cambridge University Press, 2008. — 1799 p.
5. Cambridge Business English Dictionary. — Cambridge: Cambridge University Press, 2011. — 858 p.
6. <https://www.fao.org/sustainability/ru/>
7. <https://www.fao.org/strategic-framework/ru>

Информация об авторе

Н.А. Фисенко – кандидат экономических наук.

Information about the author

N.A. Fisenko – Candidate of Economic Sciences.

*Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 24.06.2022;
принята к публикации 13.07.2022.*

*The article was submitted 20.06.2022; approved after reviewing 24.06.2022;
accepted for publication 13.07.2022.*

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 2. С. 26-34.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(2): 26-34.

Научная статья
УДК 338.439

РАЗВИТИЕ ЭКСПОРТА ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Елена Николаевна Трифонова

Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. В статье осуществлен анализ соотношения показателей производства в пищевой промышленности и сельском хозяйстве Саратовской области за период с 2015 по 2020 гг. Проведена группировка регионов Приволжского федерального округа с учетом значений общего интегрального показателя за 2020 год. Осуществлена сравнительная характеристика групп регионов по объемам производства в сельском хозяйстве и пищевой промышленности, а также по показателям экспорта и импорта продовольственных товаров и сельхозсырья. Проведен анализ экспортного потенциала отраслей пищевой промышленности Саратовской области. Предложены пути поддержки пищевого производства региона с учетом адекватного соотношения между производством, внутренним потреблением и экспортом продовольствия на межрегиональные и международные рынки.

Ключевые слова: экспорт, пищевая и перерабатывающая промышленность, Саратовская область, государственная поддержка, общий интегральный показатель.

Для цитирования: Трифонова Е.Н. развитие экспорта пищевой промышленности Саратовской области в современных условиях // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 2. С 26-34.

Original article

EXPORT DEVELOPMENT OF THE FOOD INDUSTRY IN SARATOV REGION IN MODERN CONDITIONS

Elena N. Trifonova

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Abstract. The article analyzes the ratio of production indicators in the food industry and agriculture of the Saratov region for the period from 2015 to 2020. The regions of the Volga Federal District were grouped taking into account the values of the general integral indicator for 2020. Groups of regions in terms of production volumes in agriculture and the food industry, as well as in terms of exports and imports of food products and agricultural raw materials are characterized. An analysis of the export potential of the food industry in the Saratov region was carried out. The ways of supporting food production in the region are proposed, taking into account an adequate balance between production, domestic consumption and food exports to interregional and international markets.

Key words: *export, food and processing industry, Saratov region, state support, general integral index*

For citation: *Trifonova E.N. Export development of the food industry in the Saratov region in modern conditions // Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(2):26-34.*

Введение.

Современная политическая ситуация во многом определяет смену вектора экономического развития, как страны в целом, так и отдельных регионов в сторону интенсификации процессов импортозамещения по целому ряду товарных групп, а также реструктуризации внешнего экспорта в пользу стран, сохранивших лояльность к РФ. Определенные изменения коснулись экспорта продукции агропромышленного комплекса страны. В частности, в качестве ответной меры на введенные санкции установлен запрет на вывоз зерна, сахара и сахара-сырца до 31 августа 2022 года [1]. При этом федеральный проект «Экспорт продукции АПК» [2], предполагающий почти двукратное увеличение российского экспорта продовольствия до 2024 года, является действующим и актуальным на настоящий момент времени, в связи с чем необходима перестройка, как страновой и продуктовой структур самого экспорта продовольствия и сельхозсырья, так и состава внутреннего производства продовольствия с ориентацией на цели обеспечения продовольственной безопасности страны, а также обоснованного импортозамещения. Процессы целеполагания должны быть согласованы, как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных субъектов РФ.

Цель исследования.

Целью настоящего исследования является анализ экспортного потенциала пищевой промышленности Саратовской области, а также обоснование мер, направленных на поддержание адекватного соотношения между производством, внутренним потреблением и экспортом продовольственных товаров.

Методика исследования.

В качестве основных методов настоящего исследования выделены абстрактно-логический, графический методы, а также методы сравнительного анализа и синтеза.

Результаты исследования.

Саратовская область традиционно является аграрным регионом, где, по оценке Министерства экономического развития области [3], вклад сельского хозяйства в формирование валового регионального продукта составляет около 20%. К основным видам сельскохозяйственной продукции, выпускаемой регионом, относят, в первую очередь, зерно, подсолнечник, овощи, молоко. Уровень развития пищевой и перерабатывающей промышленности Саратовской области, а также степень сформированности регионального инновационно-инвестиционного климата - выше среднего общероссийского уровня [4]. В структуре оборота розничной торговли в апреле 2022 года удельный вес пищевых продуктов, включая напитки и табачные изделия, составил 49,7%, непродовольственных товаров - 50,3% [5]. При этом аналогичное соотношение показателей в апреле прошлого года составляло 46,8% и 53,2% соответственно. Наблюдается стабильный рост производства в отраслях пищевой промышленности, обеспеченный, во многом, местным сельскохозяйственным сырьем. В первую очередь, это относится к мясомолочному подкомплексу, а также выпуску растительных масел. Однако объемы производства в сельском хозяйстве превосходят объемы выпуска в отраслях переработки (рис.1), что делает возможным пересмотр структуры выпуска конечной продукции агропромышленного комплекса в пользу увеличения доли товаров глубокой промышленной переработки, а также повышения ее конкурентоспособности.

Рисунок 1 – Динамика ряда показателей, характеризующих соотношение в уровнях производства в сельском хозяйстве и пищевой промышленности Саратовской области
Примечание: составлено автором по данным официальной статистики [5, 6]

За период с 2015 по 2020 гг. производство в сельском хозяйстве превышало аналогичный показатель в пищевой промышленности Саратовской области (рис.1), при этом данное соотношение за рассматриваемый период времени увеличилось с 1,26 до 1,6 раза. В абсолютных денежных показателях производство в пищевой промышленности выросло в 1,2 раза, а в сельском хозяйстве – более, чем в 1,5 раза. Отраслевые цепные темпы роста в начале анализируемого периода составляли 106% в пищевой промышленности и 118% - в сельском хозяйстве, однако, к 2020 году они практически сравнялись и составили порядка 130%. Лишь в 2017 и 2018 гг. ожидаемо наблюдалось снижение производства в рассматриваемых отраслях в связи с кризисными явлениями соответствующего периода в экономике России в целом, когда из-за усилившегося санкционного давления РФ столкнулась с невозможностью продемонстрировать экономический рост практически во всех экономических сферах, что усугубилось стагнацией на минимальных значениях цены на нефть на фоне крайне высокой зависимости экономики России от нефтегазового сектора. Безусловно, данная ситуация нашла отражение и в экономических процессах, проявившихся на региональном уровне в отрицательных показателях прироста объемов производства, как в сельском хозяйстве, так и в отраслях переработки. В последующий период ответные санкции в совокупности с реализацией пакета антикризисных мер позволили России продемонстрировать рост экономики, что не могло не сказаться на росте анализируемых экономических показателей Саратовской области.

Анализируя зависимость уровня развития пищевой и перерабатывающей промышленности от степени сформированности инновационно-инвестиционного климата в регионе, были сопоставлены ряд экономических показателей субъектов РФ, входящих в состав Приволжского федерального округа (рис.2 и рис.3). Оценка степени сформированности регионально-инновационно-инвестиционного климата нашла отражение в общем интегральном показателе, ранее разработанном автором [7]. При сопоставлении данных все анализируемые показатели пересчитаны в расчете на 1 человека.

Из рисунка 2 видно, что все субъекты Приволжского федерального округа условно можно разделить на две группы по уровню значения общего интегрального показателя: меньше 1 и больше 1. Значение общего интегрального показателя меньше 1 можно интерпретировать, как более низкое, по сравнению с общероссийским уровнем состояние пищевой промышленности региона в условиях локально сформированного инновационно-инвестиционного климата в целом, и, наоборот, значение показателя более 1 демонстрирует

наличие более высокого потенциала, которым обладает региональная отрасль переработки. Значение общего интегрального показателя на рисунках 2 и 3 приведены рядом с соответствующим регионом. Таким образом, субъекты ПФО со значением общего интегрального показателя больше 1, в группу которых входит и Саратовская область, характеризуются более высокими объемами производства, как продукции сельского хозяйства, так и пищевой промышленности (рис.2). Однако подобной четкой зависимости не выявлено в ситуации с показателями продовольственного экспорта и импорта (рис.3). Данный факт свидетельствует о том, что объемы экспорта продовольствия и его рост обеспечены не столько изменениями объемов его производства, сколько четким разграничением между экспортоориентированными отраслями пищевой промышленности и отраслями, удовлетворяющими внутренний спрос населения. Данный вывод подтверждают результаты расчета предельного экспорта по всем регионам России, который показывает, насколько вырастит экспорт продовольствия при увеличении его производства на 1 руб. Величины рассчитанных значений предельного экспорта ничтожно малы и демонстрируют практически несущественную взаимосвязь показателей. Значение предельного экспорта варьируется, в частности, по Приволжскому федеральному округу в диапазоне от -0,02 долл. в Чувашской республике, что характеризует разнонаправленное изменение объемов производства и экспорта, до 0,07 долл. в Оренбургской области. Среднее значение показателя по ПФО составляет 0,06 долл. При этом существующие механизмы государственной поддержки экспорта преимущественно ориентированы на уже интегрированные в международную торговлю отрасли и отдельные предприятия и в меньшей степени учитывают существующий, но еще не в полной мере реализованный потенциал ряда организаций и отраслей региона в целом. В Саратовской области, например, финансовую поддержку получают, в первую очередь, сельскохозяйственные потребительские кооперативы, основная часть которых развивает первичную переработку скота, сбор и переработку молока [8], организации, ориентированные на экспорт зерновых культур, а также предприятия масложирового подкомплекса. Однако, с нашей точки зрения, большим потенциалом обладают также кондитерская отрасль, рыбный промысел и т.п.

Рисунок 2 – Сопоставление показателей производства продукции в сельском хозяйстве и пищевой промышленности в расчете на 1 человека за 2020 год по субъектам Приволжского федерального округа

Примечание: составлено на основе расчетов автора с использованием данных официальной статистики [5, 6]

Рисунок 3 – Сопоставление показателей экспорта и импорта продовольственных товаров и сельхозсырья в расчете на 1 человека за 2020 год по субъектам Приволжского федерального округа.

Примечание: составлено на основе расчетов автора с использованием данных официальной статистики [5, 6]

Саратовская область является лидером в ПФО, как по относительным объемам экспорта, так и импорта продовольствия и сельхозсырья (рис.3). Экспорт продукции АПК Саратовской области за период с 2015 по 2020 гг. вырос с 307,8 млн. долл. до 388,6 млн.долл. [9]. Однако данный рост не был равномерным. Экспорт продукции АПК в 2018-2019 гг. характеризовался резким спадом (до 241,4 млн.долл. и 238,9 млн.долл. соответственно). В 2021 году зафиксирован рост регионального экспорта на 65% [10]. Несмотря на то, что экспорт Саратовской области характеризуется достаточно высоким уровнем диверсификации (индекс Херфиндаля-Хиршмана в 2020 году составил 0,14 [9], что выше среднего значения по стране на 0,09 пунктов), основу регионального экспорта составляет продукция масложировой отрасли. Таким образом, ситуация, когда в 2018-2020 гг. больше половины экспорта масложировой продукции, вывозимой с территории Саратовской области, засчитывалась как экспорт Самарской области, которая является местом юридической регистрации крупных производителей региона - ЗАО «Самараагропромпереработка» и ГК «Русагро» - не могла не сказаться на статистических показателях региона. Кроме того, в это же время на территории региона закрылась Саратовская табачная фабрика, что снизило экспорт продукции пищевой и перерабатывающей промышленности на 40 млн.долл. Однако к 2020 году наметилась тенденция роста объемов экспорта продукции АПК Саратовской области. В первую очередь, за счет учета с 2020 года экспорта масложировой продукции по месту ее производства, а также за счет увеличения в структуре экспорта соевых бобов и физического роста валового сбора зерна в анализируемый период времени.

При этом стоит отметить, что структура международного и межрегионального экспорта не идентичны друг другу, а рост экспорта не связан с излишками производства после удовлетворения внутреннего спроса. В этом смысле наглядным примером является производство круп в Саратовской области, когда на фоне крайне низких объемов потребления внутри области и низких объемов экспорта на международном уровне наблюдается активная торговля товарами из данной группы на межрегиональном рынке [11]. Помимо круп, экспорт муки и макаронных изделий также ориентирован на межрегиональный уровень. Таким образом, понятие экспортной конкуренции продовольственных товаров является многоплановым и раз-

ноуровневым и не определяется только лишь объемами производства, степенью удовлетворения внутреннего спроса населения в соответствующем продукте и уникальностью его характеристик. В большей степени, по нашему мнению, экспортная конкуренция определяется налаженными экономическими связями, развитой логистикой и инфраструктурой, а также уровнем государственной поддержки соответствующих производств и действующими региональными программами по поддержке рынков сельхозкультур, сырья и продовольствия.

На реализацию государственной программы Саратовской области «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Саратовской области» [12] планируется за весь период действия с 2019 по 2025 гг. выделить 24,997 млрд. рублей, из которых 5,1 млрд. руб. – из областного бюджета. При этом особое внимание уделено поддержке отраслей агропромышленного комплекса, связанных с сельхозпроизводством. В частности, в рамках стимулирования развития приоритетных подотраслей агропромышленного комплекса предполагается возмещение части затрат на обеспечение прироста объема зерна, использованного на производство продукции глубокой переработки. Кроме того, согласно Паспорту регионального проекта «Экспорт продукции АПК» [13], разработанного в целях выполнения задач федерального проекта «Экспорт продукции АПК» [2], за период его действия, вообще не предполагается рост экспорта продукции пищевой и перерабатывающей промышленности (зафиксирован объем экспорта на уровне 9 млн.долл.). Исключение составляет масложировая отрасль, где к 2024 году запланирован рост на 53% по сравнению с 2019 годом (с 215 млн.долл. до 330 млн.долл.). При этом экспорт зерновых планируется увеличить в 3 раза (с 47 млн.долл. до 143 млн.долл.). Важным фактором в увеличении экспорта продукции АПК является рыночное продвижение товаров [14], в частности, осуществляется проект по созданию электронного каталога экспортной продукции АПК Саратовской области, разработка программы информирования региональных предприятий АПК о возможностях экспортных поставок, организация участия производителей в международных выставках и презентациях.

Заключение.

Создание условий для поддержания адекватного соотношения между производством пищевых продуктов, его внутренним потреблением и экспортом, как на межрегиональном, так и на международном рынках для каждого субъекта РФ является важной задачей для обеспечения продовольственной безопасности страны и интенсификации процессов импортозамещения стратегически важных продуктов. Для этого необходим комплексный подход к оценке потенциала отраслей пищевой промышленности и обеспечения на региональном уровне внутреннего спроса на продовольствие, поддержания платёжеспособности населения и формирования экономико- и социально-ориентированных основ ведения бизнеса, путем обоснованного соотношения государственной поддержки отдельных производств, а также стимулирования процессов привлечения государственных и частных вложений в инвестиционно-привлекательные отрасли пищевой и перерабатывающей промышленности. С целью развития и реализации существующего потенциала отраслей пищевой и перерабатывающей промышленности Саратовской области в рамках исполнения федерального проекта «Экспорт продукции АПК» целесообразно на федеральном и региональном уровнях способствовать созданию благоприятных экономических условий ведения бизнеса, а также осуществление финансовой государственной поддержки предприятий по стимулированию производства переработанной продукции (в частности, молочной, мясной, растительных масел) и совершенствование ее экспортной инфраструктуры с выходом на новые международные и межрегиональные рынки дружественных государств. Рационально внедрение особого краткосрочного льготного режима предприятиям, внедряющим различные виды инноваций с целью повышения конкурентоспособности продукции с улучшением ее качественных и вкусовых характеристик. Поощрение развития пищевых производств, способных обеспечить замещение импортных аналогов продукцией местного производства (растительные масла, сыры, кондитерские изделия, мясные полуфабрикаты и т.д.), в частности, путем упрощения условий предоставления стимулирующей субсидии. Создание условий для привлечения частных и государ-

ственных инвестиций для формирования крупных агрохолдингов, включающих в себя все этапы производства: от сельхозсырья до конечной продукции глубокой переработки. Кроме того, снижение уровня среднелюдиного потребления ряда продуктов питания (в частности, мясосюродуков, оюощей, бахчевых культур, яиц и т.д.) в последние годы населением Саратовской области требует разработки мер по стимулированию внутреннего спроса, в первую очередь, за счет увеличения денежных доходов.

Список источников

1. Таможенная подкомиссия одобрила запрет на вывоз зерна в ЕАЭС и сахара за пределы союза // Интерфакс от 10 марта 2022 года. - URL: <https://www.interfax.ru/russia/827471>
2. Паспорт федерального проекта «Экспорт продукции АПК» (утв. протоколом заседания проектного комитета национального проекта «Международная кооперация и экспорт» от 14 декабря 2018 г. № 5). - URL: <http://mcx.ru/ministry/departments/departament-informatsionnoy-politiki-i-spetsialnykh-proektov/industry-information/info-federalnyi-proekt-eksport>
3. Правительство Саратовской области. Официальный портал. – URL: <https://saratov.gov.ru/region/economy/agro-kompleks/>
4. Трифонова Е.Н. Методический подход к формированию механизма распределения господдержки производителям пищевой продукции // Научное обозрение: теория и практика. 2021. Т. 11. Вып. 8. С. 2554–2565.
5. Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. – URL: <https://gks.ru/region/doc1163/IssWWW.exe/Stg/d1720/i0400030.htm>
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. - М., 2021. - 1112 с.
7. Трифонова Е.Н. Методика компаративного (сравнительного) анализа уровней инновационного развития пищевой промышленности российских регионов // Инновационная деятельность. 2013. №3 (26). с.128-134.
8. Саратовская область – динамично развивающийся аграрный регион / Официальный портал Правительства Саратовской области. - URL: <https://saratov.gov.ru/region/economy/agro-kompleks/>
9. Обзор. Экспортный профиль региона. Саратовская область. - URL: https://aemcx.ru/wp-content/uploads/2021/07/%D0%A1%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2_23.07.pdf?ysclid=l4qzxsug7t511615222
10. Названы лучшие экспортеры Саратовской области / ИА «Регион 64» от 9 июня 2022 года. - URL: <https://sarnovosti.ru/news/nazvany-luchshie-eksportery-saratovskoy-oblasti-/?ysclid=l4r05y1m9d795072482>
11. Авдеева Е.С., Преображенский Ю.В. Экономические аспекты реализации экспортного потенциала пищевой промышленности Саратовской области // Изв. Саратов. Ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т 19, вып.1. С.36-42.
12. Постановление Правительства Саратовской области от 29 декабря 2018 г. N 750-П. О государственной программе Саратовской области «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Саратовской области». - URL: https://www.minagro.saratov.gov.ru/gosprogram2013_2020.php
13. Паспорт регионального проекта «Экспорт продукции АПК» (утв. президиумом Совета при Губернаторе Саратовской области по стратегическому развитию и региональным проектам (протокол от 13 декабря 2018 г. № 3-12-29/135). - URL: https://saratov.gov.ru/gov/auth/mininf/ancicorruptcia/npa_corruptcia/%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%B0%D0%BF%D0%BA.pdf?ysclid=l4qtfrg28k554042850
14. В Саратовской области увеличатся объемы переработки сельскохозяйственного сырья / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации от 20 марта 2019 года. -

URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/regions/v-saratovskoy-oblasti-uvelichatsya-obemy-pererabotki-selskokhozyaystvennogo-syrya/?ysclid=14qyz0ethr643592588>

References

1. The Customs Sub-Commission approved a ban on the export of grain to the EAEU and sugar outside the Union // Interfax from March 10, 2022. - URL: <https://www.interfax.ru/russia/827471> (In Russ)
2. Passport of the federal project "Export of agricultural products" (approved by the minutes of the meeting of the project committee of the national project "International Cooperation and Export" dated December 14, 2018 No. 5). - URL: <http://mcx.ru/ministry/departments/departament-informatsionnoy-politiki-i-spetsialnykh-proektov/industry-information/info-federalnyi-proekt-eksport> (In Russ)
3. The Government of the Saratov region. The official portal. – URL: <https://saratov.gov.ru/region/economy/agro-kompleks/> (In Russ)
4. Trifonova E.N. Methodical approach to the formation of the mechanism of distribution of state support to food producers. *Scientific review: theory and practice*. 2021;11(8): 2554-2565. (In Russ)
5. Federal State Statistics Service. Official website. – URL: <https://gks.ru/region/doc11163/IssWWW.exe/Stg/d1720/i0400030.htm> (In Russ)
6. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2021: 1112. (In Russ)
7. Trifonova E.N. Methodology of comparative (comparative) analysis of the levels of innovative development of the food industry of Russian regions. *Innovative activity*. 2013;3(26):128-134. (In Russ)
8. Saratov region is a dynamically developing agricultural region / Official portal of the Government of the Saratov region. - URL: <https://saratov.gov.ru/region/economy/agro-kompleks/> (In Russ)
9. Overview. Export profile of the region. Saratov region. - URL: https://aemcx.ru/wp-content/uploads/2021/07/%D0%A1%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2_23.07.pdf?ysclid=14qzxsug7t511615222 (In Russ)
10. The best exporters of the Saratov region were named / IA "Region 64" dated June 9, 2022. - URL: <https://sarnovosti.ru/news/nazvany-luchshie-eksportery-saratovskoy-oblasti-/?ysclid=14r05y1m9d795072482> (In Russ)
11. Avdeeva E.S., Preobrazhensky Yu.V. Economic aspects of the realization of the export potential of the food industry of the Saratov region. *Izv. Sarat. Un-ta. Nov. ser. Ser. Economy. Management. Right*. 2019;19(1):36-42. (In Russ)
12. Resolution of the Government of the Saratov region of December 29, 2018 N 750-P. About the state program of the Saratov region "Development of agriculture and regulation of agricultural products, raw materials and food markets in the Saratov region". - URL: https://www.minagro.saratov.gov.ru/gosprogram2013_2020.php (In Russ)
13. Passport of the regional project "Export of agricultural products" (approved by the Presidium of the Council under the Governor of the Saratov Region for Strategic Development and regional projects. - URL: https://saratov.gov.ru/gov/auth/mininf/ancicorruptcia/npa_corruptcia/%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%B0%D0%BF%D0%BA.pdf?ysclid=14qtfrg28k554042850 (In Russ)
14. The volumes of processing of agricultural raw materials will increase in the Saratov region / Ministry of Agriculture of the Russian Federation.- URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/regions/v-saratovskoy-oblasti-uvelichatsya-obemy-pererabotki-selskokhozyaystvennogo-syrya/?ysclid=14qyz0ethr643592588> (In Russ)

Информация об авторе

Е.Н. Трифонова – кандидат экономических наук.

Information about the author

E.N. Trifonova – Candidate of Economic Sciences.

*Статья поступила в редакцию 27.06.2022; одобрена после рецензирования 04.07.2022;
принята к публикации 13.07.2022.*

*The article was submitted 27.06.2022; approved after reviewing 04.07.2022;
accepted for publication 13.07.2022.*

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 2. С. 35-44.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(1): 35-44.

Научная статья
УДК 314.5

ОЖИДАЕМАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: ОЦЕНКА МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ КОНТРАСТОВ

Татьяна Викторовна Блинова

Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы межрегиональных контрастов и низкой продолжительности жизни сельского населения России, проведен сравнительный анализ сельско-городских различий, гендерного разрыва и межрегиональной дифференциации. Выполнена количественная оценка изменения межрегиональных различий ожидаемой продолжительности жизни в 1990-2020 гг. Рассмотрены представленные в зарубежной и отечественной научной литературе концепции и модели конвергенции. В исследовании применен аналитический инструментарий измерения конвергенции (дивергенции), включая σ -конвергенцию и β -конвергенцию. Панельная выборка состоит из 77 регионов России. Информационную базу исследования составили статистические данные Росстата, размещенные на сайте Федеральной службы государственной статистики. Определен вклад сокращения гендерных и сельско-городских различий в изменение межрегиональной дифференциации ожидаемой продолжительности жизни населения.

Ключевые слова: ожидаемая продолжительность жизни при рождении, сельские и городские территории, конвергенция, регионы России.

Для цитирования: Блинова Т.В. Ожидаемая продолжительность жизни сельского населения в период пандемии Covid-19: оценка межрегиональных контрастов // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 2. С 35-44.

Original article

RURAL POPULATION LIFE EXPECTATION DURING THE COVID-19 PANDEMIC: ASSESSMENT OF INTERREGIONAL CONTRASTS

Tatyana V. Blinova

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Abstract. The article discusses the problems of inter-regional contrasts and low life expectancy of the Russian rural population, a comparative analysis of rural-urban differences, gender gap and inter-regional differentiation is carried out. A quantitative assessment of the change in interregional differences in life expectancy in 1990-2020 was made. The concepts and models of convergence presented in foreign and domestic scientific literature are considered. The study used ana-

lytical tools for measuring convergence (divergence), including σ - and β -convergence. The panel sample consists of 77 regions of Russia. The information base of the study was the statistical data of Rosstat, posted on the website of the Federal State Statistics Service. The contribution of the reduction of gender and rural-urban differences to the change in inter-regional differentiation of life expectancy of the population is determined.

Key words: life expectancy at birth, rural and urban areas, convergence, regions of Russia.

For citation: Blinova T.V. Rural population life expectancy the during the Covid-19 pandemic: assessment of interregional contrasts // *Regional agrosystems: economics and sociology*. 2022;(2):35-44.

Введение.

Проблемам неравномерного экономического, социального и демографического развития стран и регионов, особенностям территориальной дифференциации, количественной оценке межрегиональных контрастов посвящено немало работ российских и зарубежных авторов [1-3]. Одни исследователи на основе эконометрических моделей изучают варианты демографической конвергенции между странами и регионами в разные исторические периоды [4]. Другие акцентируют внимание на региональных дисбалансах демографических показателей, таких, как рождаемость и смертность [5,6]. Третьи изучают особенности и причины конвергенции региональных систем расселения [7]. Научный интерес представляет анализ взаимосвязи между демографической и экономической конвергенцией, проведенный зарубежными учеными на базе данных второй половины двадцатого века, в результате которого сделан вывод, что демографические перемены протекали гораздо быстрее, чем экономические [8]. Авторы доказали, что социальные изменения, в том числе социально-демографические, опережают экономическое развитие стран и регионов. Действительно, показатели рождаемости, смертности, продолжительности жизни, как свидетельствует эмпирический анализ, проведенный на данных международной статистики, демонстрируют более высокие темпы сближения, чем доходы на душу населения в разных странах мира [8]. Важным научным направлением является исследование причин и условий конвергенции. Ученые считают, что если географические различия в уровне смертности вызваны, в первую очередь, социально-экономической дифференциацией пространства, то полной конвергенции вероятно можно добиться посредством мер, затрагивающих развитие системы здравоохранения, а также других инициатив в области защиты общественного здоровья [9]. В большинстве работ фундаментальной основой изучения демографической конвергенции выступила теория демографического перехода (demographic transition), а инструментом измерения – модели бета-конвергенции (β -convergence) и сигма-конвергенции (σ -convergence).

Российскими авторами с использованием моделей конвергенции оценивались тенденции сближения (или расхождения) между субъектами РФ, а также федеральными округами по суммарному коэффициенту рождаемости [10]. Не выявив конвергенции между всеми регионами РФ, авторы пришли к выводу, что более перспективным направлением исследований является «изучение клубной конвергенции рождаемости» [11]. Для оценки дифференциации ожидаемой продолжительности жизни, учеными разработана классификация регионов России, выделены 9 «групп с однолетними интервалами показателя и выявлены изменения, произошедшие за 2003–2017 гг.» [12, с.229]. Расчеты показали, что «в условиях роста продолжительности жизни населения произошло заметное сближение регионов, уплотнение их к среднероссийскому уровню» [12, с.229].

Цель статьи – исследовать динамику ожидаемой продолжительности жизни в сельской России в 1990-2020 гг., выполнить оценку конвергенции (дивергенции) ее региональных значений, выявить вклад межрегиональных, гендерных и сельско-городских различий. Актуальность проведенного исследования обусловлена тем, что в научной литературе роль конвергенции в объяснении демографических изменений, происходящих в сельской и городской местности России, остается малоизученной.

Методы исследования.

Статистическую базу исследования составили данные Росстата, размещенные на сайте Федеральной службы государственной статистики. Сформирована панельная выборка, включающая 77 регионов России, не вошли города федерального значения, Чеченская республика, Республика Крым из-за отсутствия данных за 1990-2014 гг. Автономные округа учтены в составе соответствующих субъектов РФ. Для измерения межрегионального неравенства ожидаемой продолжительности жизни населения выполнена количественная оценка дисперсии в 1991-2020 гг. С использованием моделей конвергенции оценивался характер изменения межрегиональной дифференциации ожидаемой продолжительности жизни в 2005-2020 гг. На базе традиционного эконометрического анализа тестируются гипотеза β -конвергенции, а также σ -конвергенции [13]. Специфика оценки бета-конвергенции заключалась в том, что факторным показателем выступил базисный уровень ожидаемой продолжительности жизни (годы), взятый в форме логарифма, а результативным признаком явился темп ее роста по сравнению с базисным. Для расчетов применяется пакет прикладных программ Statistica.

Результаты исследования.

Сокращение ожидаемой продолжительности жизни в период пандемии Covid-19.

Согласно методологии Росстата, ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляет гипотетическое число лет, которое в среднем предстояло бы прожить человеку из поколения родившихся «при условии, что на протяжении всей жизни этого поколения уровень смертности в каждом возрасте останется таким, как в годы, для которых вычислен показатель» [14, с. 34]. В России ожидаемая продолжительность жизни при рождении 71,54 года (2020 г.), намного меньше, чем в Японии - 84,3, Швейцарии – 83,4, Испании -83,2 года, межстрановой разрыв достигает 11-12 лет [15-16]. Руководством страны поставлена задача увеличить ожидаемую продолжительность жизни до 78 лет к 2024 г. и до 80 лет – к 2030 г. [17] Государством предусмотрена реализация мер, направленных на «сбережение народа», укрепление общественного здоровья, повышение доступности медицинской помощи, увеличение числа граждан, ведущих здоровый образ жизни [18]. В 2003-2019 гг. в России ожидаемая продолжительность жизни при рождении увеличилась с 64,84 до 73,34 лет (73,72 лет – горожан и 72,21 лет – сельчан). Дальнейший ее рост был прерван высокой заболеваемостью и смертностью россиян в период пандемии Covid-19. В 2019-2020 гг. общие коэффициенты смертности сельского населения повысились с 13,3 до 15,4 промилле, городского – с 11,9 до 14,3 за те же годы. Коэффициенты смертности сельского населения трудоспособного возраста увеличились с 5,6 промилле (2019 г.) до 6,3 промилле, при этом смертность мужчин трудоспособного возраста составила 9,1, а женщин 2,9 промилле (2020 г.). В настоящее время задача снижения смертности сельского и городского населения России, в особенности преодоления феномена «избыточной смертности» лиц трудоспособного возраста, поставлена в проектах национального развития РФ, федеральных и региональных программах на ближайшую перспективу, как приоритетная (рис.1).

На протяжении десятилетий в социально-демографическом развитии России сохраняются сельско-городские контрасты. В среднем городские жители живут дольше сельчан (71,81 и 70,69 лет). Наибольшие сельско-городские различия в ожидаемой продолжительности жизни наблюдались в период экономического кризиса 2008-2009 гг., составляя почти 3 года (2,84 и 2,90 лет). К 2019 г. на фоне роста ожидаемой продолжительности жизни сельско-городские различия уменьшились до 1,51 года (рис.1). Сельско-городские различия ожидаемой продолжительности жизни при рождении усиливаются гендерной и межрегиональной дифференциацией.

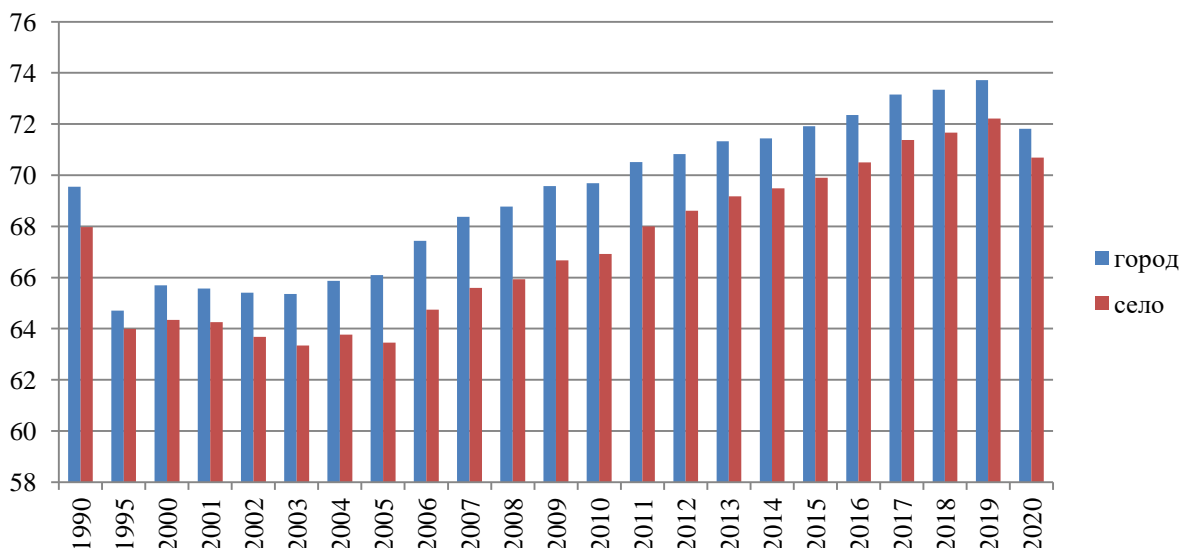

Рисунок 1 - Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в сельской и городской местности, лет, 1990-2020 гг.

Несмотря на то, что гендерные и сельско-городские различия сокращаются вместе с ростом продолжительности жизни, в настоящее время они довольно велики. Как показывают данные рисунка 2, женщины живут дольше мужчин (76,43 и 66,49 лет) [15]. Продолжительность жизни женщин выше, чем мужчин не только в экономически развитых, но и многих развивающихся странах. Это превышение, согласно концепции Омрана, возникло в процессе эпидемиологического перехода [19]. Как подчеркивают исследователи, резкое сокращение материнской смертности вместе с развитием национальных систем здравоохранения, глобальные изменения в структуре причин смерти при переходе от эпохи инфекционных к эпохе хронических неинфекционных заболеваний, изменение стратегии борьбы за повышение продолжительности жизни граждан, также как и форм контроля факторов среды и поведенческих рисков - обеспечили рост средней продолжительности жизни. При этом рост продолжительности жизни женщин оказался более значительным [20].

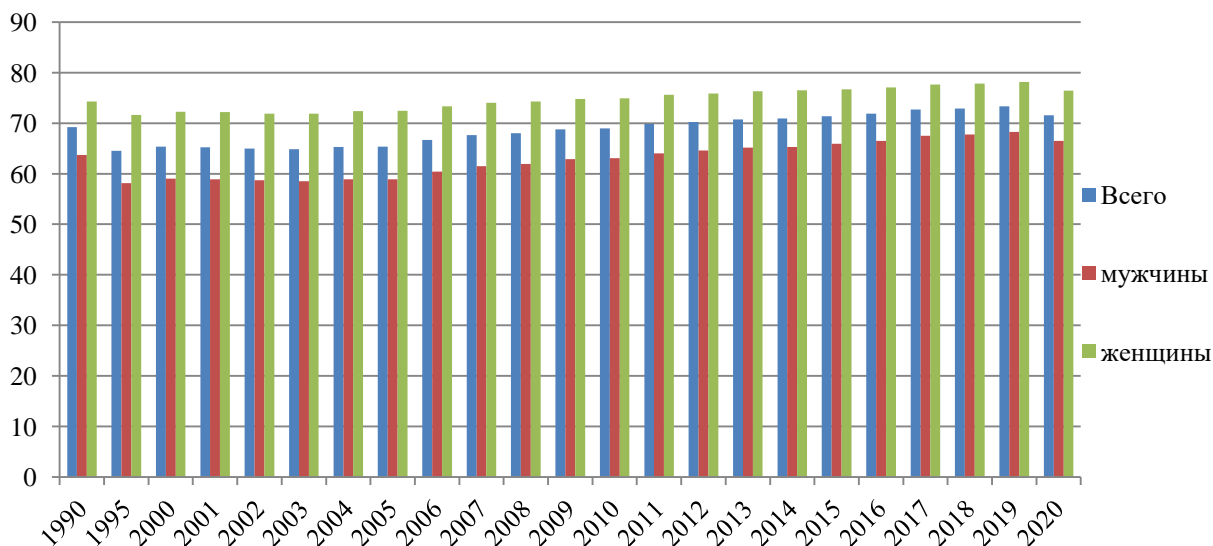

Рисунок 2 - Ожидаемая продолжительность жизни при рождении мужчин и женщин РФ, лет, 1990-2020 гг.

Максимальный гендерный разрыв, как в городской, так и сельской местности приходился на 2005 год, достигая 13,41 и 13,84 лет соответственно. К 2019 году вместе с ростом

ожидаемой продолжительности жизни при рождении гендерный разрыв сократился до 9,85 лет в городской местности и до 10,03 лет в сельской (рис.2). В 2020 г. из-за высокой смертности в период пандемии Covid-19, когда сократилась ожидаемая продолжительность жизни как мужчин, так и женщин, гендерный разрыв незначительно вырос в городской (9,94 лет) и снизился в сельской местности (9,85 лет). Высокая смертность мужского населения, особенно старшего возраста, не позволила существенно сократить гендерный дисбаланс [21]. По данным современной статистики максимальная продолжительность жизни отличает городских и сельских женщин Республики Ингушетия – 85,38 и 84,53 лет. Минимальное значение ожидаемой продолжительности жизни характерно для сельских мужчин Республики Тыва – 59,19 лет (2020 г.). Межрегиональный гендерный разрыв составляет более 26 лет. Количественные различия региональных значений показателя ожидаемой продолжительности жизни при рождении в субъектах РФ колеблются от 81,48 лет (Республика Ингушетия) до 66,25 (Республика Тыва) и 65,82 (Чукотский автономный округ) [22, с.79-80]. В данном случае межрегиональный разрыв составляет 15,7 лет. В 57 субъектах Российской Федерации ожидаемая продолжительность жизни при рождении ниже, чем в среднем по России. Значение общего коэффициента смертности в России колеблется от 3,8 промилле в Республике Ингушетии до 19,0 промилле в Псковской области. В составе регионов с максимально высокой смертностью населения Псковская (19,0 промилле), Тульская (18,7), Тверская (18,5), Орловская (18,4), Владимирская (18,3), Новгородская (18,2), Рязанская (18,1) области и другие, где смертности населения в трудоспособном возрасте превышает среднероссийские значения [22, с. 67-68]. Естественная убыль в этих регионах в два и более раз превышает среднероссийские показатели. Общие коэффициенты смертности выше среднероссийских значений в 45 регионах России. Значительное сокращение смертности в регионах с ее максимальным значением позволит уменьшить межрегиональные различия в ожидаемой продолжительности жизни населения РФ за счет ее роста в «отстающих» субъектах РФ. Отечественные ученые подчеркивают, что «высокий в сравнении со странами Запада уровень смертности и значительные пространственные различия в ожидаемой продолжительности жизни – серьезные вызовы, стоящие перед Россией» [9, с.108].

Таким образом, в настоящее время социально-демографическое развитие сельских территорий России характеризуется, во-первых, высокой межрегиональной дифференциацией ожидаемой продолжительности жизни при рождении, во-вторых, значительным гендерным разрывом и сохраняющимися сельско-городскими различиями, в-третьих, отставанием от экономически развитых стран, где ожидаемая продолжительность жизни выше, а уровень смертности населения ниже. Анализ межрегиональных, гендерных и сельско-городских различий показывает, что демографическое пространство России отличается высокой гетерогенностью, что «снижает корректность и валидность обобщенных (усредненных оценок) демографических процессов на территории страны» [11, с. 737].

Оценка межрегиональной дифференциации ожидаемой продолжительности жизни в период пандемии Covid-19.

В данном разделе тестировалась гипотеза конвергенции (дивергенции) региональных значений ожидаемой продолжительности жизни в России при наличии разных темпов и характера ее изменения. Использовался традиционный инструментарий количественной оценки конвергенции и дивергенции регионов по исследуемым параметрам [13]. Как уже было сказано ранее, значительная межрегиональная дифференциация является характерной чертой социально-демографического развития сельских и городских территорий России. Используя модель сигма - конвергенции, измеряющей изменение во времени «степени разброса», выявлены периоды дивергенции и конвергенции региональных значений ожидаемой продолжительности жизни в 1991-2020 гг. Модель сигма-конвергенции применялась во многих работах, как зарубежных, так и российских исследователей, где в качестве показателей измерения неравенства выступали: среднеквадратическое отклонение, дисперсия, коэффициент Джини, индекс Тейла и другие. В данной работе в качестве базового статистического показателя не-

однородности выбрана межрегиональная дисперсия, характер изменения которой в 1991-2020 гг. представлен на рис.3.

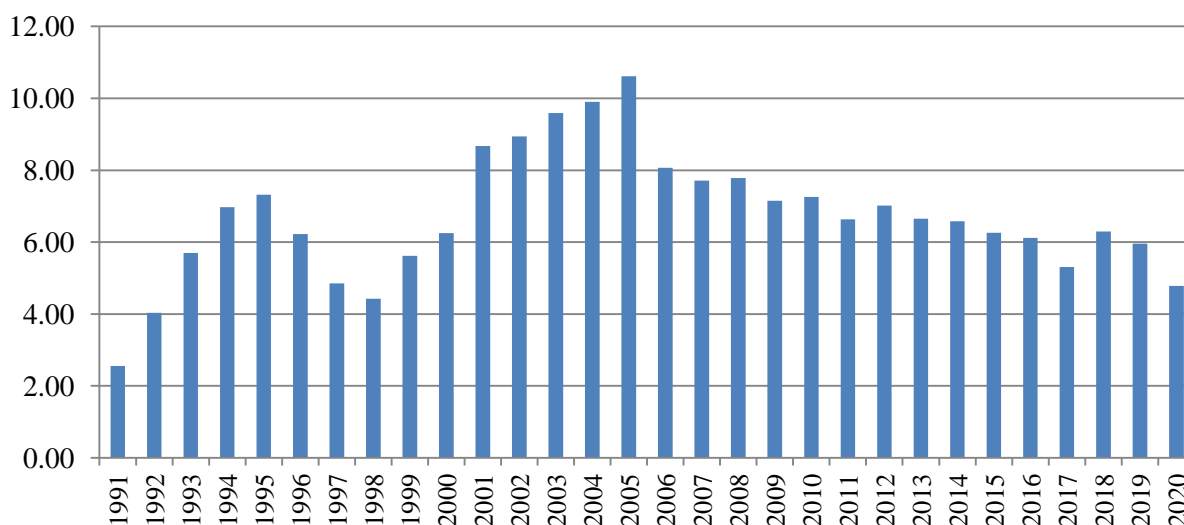

Рисунок 3 - Межрегиональная дисперсия ожидаемой продолжительности жизни в регионах России, 1991-2020 гг., лет

Результаты оценки межрегиональной дисперсии, измеряющей пространственные различия, показали, что территориальные контрасты ожидаемой продолжительности жизни при рождении увеличивались в 1991-2005 гг. и сокращались в 2006-2020 гг. В то же время внутри этих периодов в противовес общему тренду наблюдались «локальные всплески». Так, в 2012 г. и 2018 г. показатели межрегиональной дисперсии увеличились, а с 1996 г. по 1998 г. - сокращались, что не изменило тенденцию в целом. На рисунке 3 видно, что в 2011-2018 гг. изменения были незначительными, межрегиональная дисперсия колебалась в пределах 6,63 - 6,29 лет, оставаясь, по сути, на прежнем уровне. Исключение составляют 2012 год, где значение межрегиональной дисперсии выросло до 7,02, и 2017 год, в котором произошло снижение до 5,31. Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее низкими показатели межрегиональных различий ожидаемой продолжительности жизни были именно в кризисные годы: 1991 г. (2,55), 1992 г. (4,03), 1998 г. (4,42), 2020 г. (4,78), когда устанавливался более низкий равновесный уровень ожидаемой продолжительности жизни, так называемое, «кризисное равновесие», к которому стремились регионы.

Взаимосвязь динамики ожидаемой продолжительности жизни и дисперсии ее региональных значений не является однозначной и линейной. В целом в период сокращения ожидаемой продолжительности жизни при рождении дисперсия увеличивалась, а в период роста сокращалась или стабилизировалась на более низком уровне. Максимальных значений дисперсия достигла в 2005 г (10,66), после чего началось ее снижение на фоне роста продолжительности жизни. Дальнейшее увеличение ожидаемой продолжительности жизни в 2006-2019 гг. сопровождалось не только «подтягиванием отстающих регионов», в результате чего дисперсия сокращалась, но и повышением этого показателя в относительно благополучных регионах, отражая неравномерность изменений. Авторы подчеркивают, что в период пандемии Covid-19 были достигнуты антирекорды смертности сельского и городского населения России, прервана тенденция ее снижения в предшествующие годы [23]. В результате эпидемиологического шока периода пандемии сократились, как ожидаемая продолжительности жизни из-за резкого роста смертности населения, так и межрегиональная дифференциация этого показателя. Объяснением может быть асимметричная реакция регионов с высокой и низкой продолжительностью жизни на резкое ухудшение эпидемиологической ситуации. В 2019-2020 гг. в условиях пандемии Covid-19 на фоне роста смертности сельского и городского населения России показатель ожидаемой продолжительности жизни в регионах с высоким его значением сократился в большей степени, чем в регионах с низким значением этого по-

казателя. Так, в Республике Ингушетия этот показатель снизился почти на два года, с 83,4 (2019 г.) до 81,48 (2020 г.), в Республике Дагестан на 2,67, в то время как в Республике Тыва – только на 1,37. Регионы двигались к новому (более низкому) равновесному уровню под влиянием роста смертности в период пандемии Covid-19.

Оценка модели сигма – конвергенции позволила выявить периоды сближения регионов России и сокращения межрегиональной дифференциации по уровню продолжительности жизни, признаком чего является снижение дисперсии региональных показателей с течением времени, а также периоды дивергенции, т.е. «пространственного разбегания». Результаты оценки модели сигма – конвергенции показали особенности динамики неравенства, позволяя определить периоды, где тенденция изменения ожидаемой продолжительности жизни является однонаправленной, а также базовый год (2005 г.). Поэтому гипотеза β -конвергенции тестировалась для 2005-2020 гг.

Специфика оценки β -конвергенции заключалась в том, что факторным показателем выступил базисный уровень ожидаемой продолжительности жизни, взятый в форме логарифма, а результативным признаком явился темп ее роста по сравнению с базисным. Значимость моделей подтверждена по критерию Фишера и F- statistic. Отрицательный знак при коэффициенте регрессии свидетельствует об обратной зависимости, т.е. подтверждается гипотеза бета-конвергенции, когда отстающие регионы за счет более высоких темпов роста ожидаемой продолжительности жизни «наверстывают» отставание. Полученные оценки свидетельствуют, что вклад «территориальной близости» составляет 0,142% на каждый процент сходимости, а влияние «гендерного эффекта» более слабое (0,099%). Оценка параметров модели конвергенции, отражающей сходимость регионов России по показателю ожидаемой продолжительности жизни при рождении, свидетельствует, что регионы с низкой продолжительностью жизни на определенном этапе имели более высокие темпы сокращения смертности и роста продолжительности жизни, демонстрируя эффект «догоняющей конвергенции», которая продолжалась в 2005-2019 гг. Это согласуется с данными других авторов, которые пришли к выводу, что «региональная конвергенция произошла за счет крайних по уровню показателя групп, и, прежде всего, за счет подтягивания отстающих регионов, т.е. установлен догоняющий характер конвергенции» [12, с.229]. В 2019-2020 гг. в условиях пандемии Covid-19 конвергенция продолжалась, но за счет других источников, а именно более высоких темпов сокращения продолжительности жизни во многих регионах с относительно высокой продолжительностью жизни населения. Оценка моделей β -конвергенции показывает, что вклад сокращения гендерного разрыва в конвергенцию ожидаемой продолжительности жизни при рождении значимый, но менее весомый, чем вклад территориального (пространственного) фактора. Расчеты, выполненные для сельских территорий России, свидетельствуют, что вклад уменьшения гендерного неравенства составляет 0,099 %, а сокращения пространственной дифференциации 0,142% на каждый процент конвергенции ожидаемой продолжительности жизни.

Таким образом, регионы с низкой продолжительностью жизни при определенных условиях могут иметь более высокие темпы сокращения смертности и повышения ожидаемой продолжительности жизни. В результате сходимости регионов за счет «эффекта наверстывания», отстающие территории перемещаются в зону более низкой смертности, повышается равновесный уровень продолжительности жизни. Механизмы адаптации «отстающих» регионов к новому более высокому равновесному уровню ожидаемой продолжительности жизни при рождении изучен недостаточно глубоко и детально. Целесообразна поддержка пространственной конвергенции и стимулирование движения регионов к более высокому равновесному уровню ожидаемой продолжительности жизни населения. «Учет региональных особенностей демографического развития и дифференцированный подход к разработке и реализации региональных программ в этом направлении выступают ключевыми принципами демографической политики Российской Федерации» [24. с. 2]. Важными задачами государственной социальной политики являются формирование необходимых социально-экономических условий и предпосылок повышения продолжительности жизни городского и

сельского населения, сокращения межрегиональных контрастов, в том числе за счет сокращения смертности и роста продолжительности жизни в регионах с низким ее уровнем и сельской местности.

Заключение.

В статье обсуждается актуальная проблема низкой продолжительности жизни населения сельских и городских территорий России, проведен сравнительный анализ гендерных и сельско-городских различий. Отмечается, что для России характерна высокая межрегиональная дифференциация показателей ожидаемой продолжительности жизни и смертности населения, которую необходимо учитывать при реализации мер демографической и социальной политики. Представлены результаты оценки и моделирования динамики межрегиональных различий продолжительности жизни населения России в 1990-2020 гг. Установлено, что в 2019-2020 гг. в условиях пандемии Covid-19 конвергенция продолжалась за счет более высоких темпов сокращения продолжительности жизни во многих регионах с относительно высокой продолжительностью жизни населения. В предстоящие годы следует ожидать рост средней продолжительности жизни по стране в результате «подтягивания» регионов с наиболее низкой продолжительностью жизни. На базе эконометрического анализа тестируются модели конвергенции, включая β -конвергенцию и σ -конвергенцию. Полученные данные свидетельствуют, что вклад уменьшения гендерного неравенства составляет 0,099 %, а сокращения пространственной дифференциации 0,142% на каждый процент конвергенции ожидаемой продолжительности жизни сельского населения России.

Научная и практическая значимость, а также актуальность тематики исследования обусловлена значительными межрегиональными контрастами в ожидаемой продолжительности жизни городского и сельского населения России, отставанием от экономически развитых стран по уровню смертности, в особенности мужчин трудоспособного возраста. Влияние конвергенции на демографические изменения в сельской и городской местности остается недооцененным и малоизученным. Сокращение разрыва в ожидаемой продолжительности жизни при рождении между субъектами Российской Федерации должно стать одной из главных задач социальной и демографической политики государства.

Список источников

1. de Silva, T., Tenreyro S. Population Control Policies and Fertility Convergence. *Journal of Economic Perspectives*. 2017; 31 (4):205–28.
2. Manuelli, R.E., Seshadri A. Explaining International Fertility Differences. *Quarterly Journal of Economics*. 2009; 124(2): 771–807.
3. Дружинин П. В., Молчанова Е. В., Подлевских Ю. Л. Влияние пандемии COVID-19 на смертность населения российских регионов // Труды Карельского научного центра РАН. 2021. № 7. С. 116–128.
4. Tomka V. Demographic Diversity and Convergence in Europe, 1918-1990: The Hungarian case. *Demographic Research*. 2002;6 (2):19–48.
5. Janssen F., van den Hende A., de Beer J.A.A., van Wissen L. Sigma and beta convergence in regional mortality: a case study of the Netherlands. *Demographic Research*. 2016; 35 (4):81–116.
6. Angeles L. Demographic transitions: analyzing the effects of mortality on fertility. *Journal of Population Economics*. 2010;23 (1):99–120.
7. Козлова О. А., Макарова М. Н. Оценка адаптации населения к изменениям условий жизнедеятельности с позиции конвергенции региональных систем расселения // Экономика региона. 2020. Т. 16, вып.1. С. 84–96.
8. Wilson C. On the Scale of Global Demographic Convergence 1950-2000. *Population and Development Review*. 2001;27 (1):155–171.
9. Щур А. Е., Тимонин С. А. Центр-периферийные различия продолжительности жизни в России: региональный анализ // Демографическое обозрение. 2020. ТОМ 7. №3. С. 108–133.
10. Сеница А.Л. Рождаемость в регионах России: конвергенция или дивергенция // Регион: экономика и социология. 2017. №2 (94). С. 152–173.

11. Шубат О. М. Региональная конвергенция рождаемости в России // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 3. С. 736–748.
12. Попова Л.А., Зорина Е.Н. Региональные резервы роста ожидаемой продолжительности жизни населения в условиях конвергенции ее уровня // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 228–242.
13. Sala-i-Martin X.X. The classical approach to convergence analysis. *The Economic Journal*. 1996;106(437): 1019–1036.
14. Демографический ежегодник России. 2019: Стат.сб./ Росстат. М., 2019. 252 с.
15. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении по субъектам Российской Федерации за 2020. - URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781/>.
16. Средняя продолжительность жизни по странам мира 2020. - URL: <http://www.statdata.ru/>.
17. Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 07.05.2018 г. № 204. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/57425>.
18. Паспорт национального проекта «Демография». Национальные проекты. - URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2641>.
19. Omran A.R. The Epidemiologic Transition: A Theory of the Epidemiology of Population Change. *The Milbank Memorial Fund Quarterly*. 1971;49 (4): 509–538.
20. Вергелес М.О. Разрыв в ожидаемой продолжительности жизни между мужчинами и женщинами в развитых странах: больше общего или различного? // Демографическое обозрение. 2021. ТОМ 8, №4, с. 6–39.
21. Блинова Т.В. Демографическое старение сельских территорий России// АПК: Экономика, управление. 2021. № 2. С. 76–80.
22. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.
23. Блинова Т.В. Демографические риски и ограничения устойчивого развития сельских территорий в период пандемии Covid-19 // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2022, № 7.
24. Короленко А.В. Смертность населения регионов России в текущем десятилетии: тенденции, структура и дифференциация показателей // Социальное пространство. 2020. Т. 6. № 3. С. 1–16.

References

1. de Silva, T., Tenreyro S. Population Control Policies and Fertility Convergence. *Journal of Economic Perspectives*. 2017; 31 (4):205–28.
2. Manuelli, R.E., Seshadri A. Explaining International Fertility Differences. *Quarterly Journal of Economics*. 2009; 124(2): 771–807.
3. Druzhinin P. V., Molchanova E. V., Podlevskikh Yu. L. The impact of the COVID-19 pandemic on the mortality of the population of Russian regions. *Proceedings of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2021;(7):116-128. (in Russ)
4. Tomka B. Demographic Diversity and Convergence in Europe, 1918-1990: The Hungarian case. *Demographic Research*. 2002;6 (2):19–48.
5. Janssen F., van den Hende A., de Beer J.A.A., van Wissen L. Sigma and beta convergence in regional mortality: a case study of the Netherlands. *Demographic Research*. 2016; 35 (4):81–116.
6. Angeles L. Demographic transitions: analyzing the effects of mortality on fertility. *Journal of Population Economics*. 2010;23 (1):99–120.
7. Kozlova O. A., Makarova M. N. Assessment of adaptation of the population to changes in living conditions from the perspective of convergence of regional settlement systems. *The economy of the region*. 2020;16(1): 84-96. (In Russ)
8. Wilson C. On the Scale of Global Demographic Convergence 1950-2000. *Population and Development Review*. 2001;27 (1):155–171.

9. Shchur A. E., Timonin S. A. Center-peripheral differences in life expectancy in Russia: regional analysis. *Demographic review*. 2020;7(3): 108-133. (In Russ)
10. Sinitza A.L. Birth rate in the regions of Russia: convergence or divergence. *Region: Economics and Sociology*. 2017;2 (94): 152-173. (In Russ)
11. Shubat O. M. Regional convergence of fertility in Russia. *The economy of the region*. 2019;15(3): 736-748. (In Russ)
12. Popova L.A., Zorina E.N. Regional reserves for the growth of the expected life expectancy of the population in the conditions of convergence of its level. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2019;12(6): 228-242. (In Russ)
13. Sala-i-Martin X.X. The classical approach to convergence analysis. *The Economic Journal*. 1996;106(437): 1019–1036.
14. Demographic Yearbook of Russia. 2019; 252 (In Russ)
15. Life expectancy at birth by subjects of the Russian Federation for 2020. - URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781/>. (In Russ)
16. Average life expectancy by countries of the world 2020. - URL: <http://www.statdata.ru/>. (In Russ)
17. Decree of the President of the Russian Federation "On National goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024" dated 07.05.2018 No. 204. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/57425>. (In Russ)
18. Passport of the national project "Demography". National projects. - URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2641>. (In Russ)
19. Omran A.R. The Epidemiologic Transition: A Theory of the Epidemiology of Population Change. *The Milbank Memorial Fund Quarterly*. 1971;49 (4): 509–538.
20. Vergeles M.O. The gap in life expectancy between men and women in developed countries: more common or different? *Demographic vision*. 2021;8(4): 6-39. (In Russ)
21. Blinova T.V. Demographic aging of rural territories of Russia. *Agro-industrial complex: Economics, management*. 2021;(2): 76-80. (In Russ)
22. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2021; 1112 (In Russ)
23. Blinova T.V. Demographic risks and limitations of sustainable development of rural territories during the Covid-19 pandemic. *Economics of agricultural and processing enterprises*. 2022;(7). (In Russ)
24. Korolenko A.V. Mortality of the population of the regions of Russia in the current decade: trends, structure and differentiation of indicators. *Social space*. 2020;6(3): 1-16. (In Russ)

Информация об авторе

Т.В. Блинова – доктор экономических наук

Information about the author

T.V. Blinova – Doctor of Economic Sciences

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 30.06.2022; принята к публикации 13.07.2022.

The article was submitted 20.06.2022; approved after reviewing 30.06.2022; accepted for publication 13.07.2022.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 2. С. 45-51.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(2):45-51.

Научная статья
УДК 316.44

ПАРАДИГМА ДЛЯ АНАЛИЗА КЛЮЧЕВЫХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОГО СЕЛА В СИТУАЦИИ РОСТА МОБИЛЬНОСТИ ЕГО ЖИТЕЛЕЙ

Петр Панфилович Великий

Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. В статье ставится задача уточнения ряда положений социологии, связанных с пониманием истоков самодостаточности сельского социума для решения ключевых проблем российского села в ситуации роста темпов мобильности его жителей. Поиск новой парадигмы, как исходной методологической установки подхода к изучаемым явлениям, предполагает постановку объекта в контекст представлений о нем современной науки и служит для выбора образца, с которым проводится сопоставление признаков.

Ключевые слова: глобализация, село, сельские территории, рационализация, аграрный сектор, мораль, формы хозяйствования, крестьянская культура.

Для цитирования: Великий П.П. Парадигма для анализа ключевых проблем российского села в ситуации роста мобильности его жителей // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. С 45-51.

Original article

PARADIGM FOR ANALYSIS OF THE KEY PROBLEMS OF THE RUSSIAN RURAL COUNTRY DURING INCREASING RESIDENTS' MOBILITY

Petr P. Veliky

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Abstract. The article aims to clarify a number of provisions of sociology related to understanding the origins of the self-sufficiency of rural society to solve the key problems of the Russian village in a situation of increasing mobility of its inhabitants. The search for a new paradigm, as the initial methodological setting of the approach to the phenomena under study, involves placing the object in the context of ideas about it in modern science and serves to select a sample with which the features are compared.

Key words: globalization, village, rural areas, rationalization, agrarian sector, morality, forms of management, peasant culture.

For citation: Great P.P. Paradigm for the analysis of key problems of the Russian village in the situation of increasing mobility of its inhabitants // Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(2):45-51.

Введение.

События во всем мире, вызванные санкциями против нашей страны, привели к увеличению цен на продукты питания и энергетические ресурсы, росту безработицы и инфляции. Стало очевидным, что разрыв связей между локальными экономиками отдельных стран вызывает катастрофические последствия. Причем это происходит, в первую очередь, в сфере получения и перераспределения продуктов питания, выводя аграрные проблемы в центр внимания государств. Не рассматривая вопросы распределения производства продуктов, которыми одна страна может поделиться с другими государствами, остановимся на проблеме устойчивости отечественного АПК в проекции полноты включения в него человеческого потенциала деревни. Он, будучи совокупностью многих человеческих качеств, в силу различных обстоятельств, в том числе специфики рассредоточения занятых селян в АПК, может иметь разный масштаб деятельности и, соответственно, создания благ для себя и для удовлетворения потребностей общества.

Хотя численность сельского населения уменьшается, но ответственность АПК за продовольственную безопасность лишь увеличивается. Самостоятельное, независимое от внешних акторов решение ключевых проблем хозяйствования, приобретает исключительную значимость. Перед социологией стоит задача осмыслить общие подходы к оценке отечественных нематериальных ресурсов, необходимых для преодоления возникающих вызовов. Село, в данном контексте, представляет особый и более широкий интерес, поскольку его жители обладают огромным потенциалом жизнестойкости, основанной на крестьянской культуре.

Методы исследования.

При проведении исследования использовались монографический, абстрактно-логический метод, а также метод сравнительного анализа эмпирических данных.

Результаты исследования.

Почти три века назад знаменитый философ Иммануил Кант высказал мысль, справедливость которой подтверждается и в настоящее время. Он сетовал, что когда видишь образ действия людей на великой мировой арене, то находишь, что при всей мнимой мудрости, кое-где обнаруживающейся в частностях, в конечном счёте, всё в целом соткано из глупости, ребяческого тщеславия, а не редко и из ребяческой злобы и страсти к разрушению. Наиболее ярко эту мысль подтверждают процессы глобализации.

Глобализация возникла как следствие перемен в экономике, социальной сфере и культуре, но ее участники зачастую действуют, по словам Р.Флориды, как экономические убийцы, создавая области нестыковок, грозящих устоявшимся нормам жизни населения, как развитых, так и слабо развитых стран.

Глобализация в мировом масштабе связана с её действиями на региональном уровне (в отдельных странах) двояким образом. С одной стороны, зрелость региональных структур становится катализатором глобальных решений, с другой – общие закономерности (тренды) глобализации влияют на адаптацию регионов к глобальным переменам, заставляют менять институты регулирования и дерегулирования в экономике, экологии, социокультурной сфере. Процесс, зародившийся в одном месте, меняет многое в других местах мировой системы. Однако это не происходит синхронно или хотя бы в относительно схожих рамках, так как включаются политика, интересы групп игроков крупного капитала и исключаются этические нормы. Достаточно вспомнить условия государственной поддержки сельского хозяйства, которые навязывал Запад России при вступлении в ВТО: выдвигались требования «подгонки» аграрного рынка России под модели, реализуемые США, Евросоюзом, Японией.

Парадигма, будучи инструментом, является также отношением к объекту с позиции выбора рационального образца, т.е. того, каким он является или может стать в процессе развития. Россия – страна западной культуры, поэтому логично было бы искать именно там образцы высокой культуры. Однако староевропейская традиция нормальности жизни, как слаженной, чистой, законопослушной, на Западе подорвана, что имеет длительную историю, свои этапы. Теологическая форма образца ориентировалась на постулаты веры, аристократи-

ческая – на высоту духа, порядочность, буржуазная измеряла добродетели человека умением «крутиться», стать богатым.

В процессе усложнения общественного организма и ослабления фактора саморегулирования на началах христианской веры число раздражителей сознания все время увеличивалось, корректируя и практическую и духовную составляющую человеческого мира. Поэтому на тех или других этапах выдвигаются прагматизм, релятивизм или плюрализм, когда одни элементы сознания доминируют, другие ослабевают. Все это имеет место и в российских реалиях. Отсюда еще одной составляющей парадигмы является выбор своей версии рациональности.

С позиции самого общего смысла можно сказать, что в формах жизнедеятельности должна накапливаться всеобщая связь индивидов (К.Маркс). Современные философы (В.С. Стёпин, В. М. Межуев, А. А. Гусейнов, В. И. Толстых и другие) [1] считают, что всеобщее заключается в достижении большей всеобщности творимых материальных и духовных ценностей. Другими словами, «частицы» социальной и культурной «материи», которые накапливаются в опыте Востока и Запада, становятся достоянием всего человечества, структурными элементами общечеловеческого пространства, которые, однако, могут проявить себя не только в позитивном качестве, но и обнаружить себя в бесчеловечности. Это зависит не только от групповых интересов, но и потому, что граница между добром и злом проходит не между людьми, а внутри каждого человека, заставляя делать свой выбор. Поэтому «всеобщее» раскрывается в индивиде, в мере овладения им достижениями науки, искусства, техники, общечеловеческой мысли.

Поиск «общего» - это не отвлечённая философская, но научно-прикладная идея. Например, после кризиса в США 30-х годов, была выдвинута общая идея: каждой семье – по две курицы в кастрюле и по автомобилю у дома. Если перевести эту «парадигму» на язык социологии – это будет голый прагматизм, который питает консюмеризм, демонстративное потребление и оттеснение на периферию жизни её духовного содержания.

Что же является «всеобщим» в существовании людей? Одно представление – это наличие чего-то исходного, единого во всеобщих требованиях, задающего уровень гуманистического вектора реальной жизни и деятельности людей.

Существует и другое представление о «всеобщем», как о чём-то высшем, идеальном, но несуществующем в реальной действительности. Отметим, что в истории человечества на роль «всеобщего» претендовали разные частные ориентиры, которые строились на отдельных склонностях человеческой природы. Например, устойчивость связи людей по «крови и почве» объединяет сравнительно небольшие этнические общности людей, но неспособна объединять большие социумы. Исторический опыт предлагал объединение людей за счёт такого «общего», как моральная воздержанность (протестантизм).

Хозяйственно – экономические параметры с большей или меньшей точностью отражают и социокультурную составляющую благополучия сельских жителей. Здесь субъективность оценок акторами своего положения, обусловленная режимом производства, играет первостепенное значение [2].

Далеко не всегда наличие того или иного элемента структуры означает безусловно позитивное его влияние на жизнь и удовлетворение потребностей населения [3]. Имеющиеся в наличии, но прекратившие деятельность детские сады, клубы или фельдшерско-акушерские пункты вносят отрицательный вклад в благополучие и социальное самочувствие жителей. Таким образом, качества индивидов, как носителей разнообразных социальных и профессиональных ролей в обществе, являются следующей составной частью парадигмы. По Бергеру, индивид, принимая на себя определенную социальную роль, начинает идентифицировать себя с нею. «Среди профессиональных ролей минимально регламентируется роль мусорщика, тогда как врачам, священникам и офицерам приходится приобретать особые манеры, речевые и моторные навыки: военную выправку, елеинный голос, доброе лицо у постели больного» [4]. Однако это внешние проявления. Более глубокую суть смысловой структуры можно увидеть в ретроспективе.

Соединение народных начал рациональности, поддерживаемых (и контролируемых) крестьянской общиной и священными заповедями христианства, имеет длительную историю. В ней зафиксированы, как объединяющие, так и разъединяющие тенденции, вызванные внутренним строем экономических отношений, усилением или ослаблением коллективных начал, а также политикой государства. Тем не менее, нормы равнодушного отношения к человеку поддерживалась разными практиками. Особенно большое значение в этом играл институт помощи, что реализовалось в недопустимости одновременной обработки общинной земли (крестьянке, отставшей при работе на жниве, безвозмездно помогали все жнецы) в случае эпидемий, стихийных бедствий отдельных семей (погорельцам бесплатно возводился новый дом). Хотя все эти и другие виды помощи были добровольными, но отказ от участия мог привести к жестким социальным санкциям [5]. Не менее важную роль для выработки солидарности имели сходы, где господствовал не принцип доминирования большинства, а консенсус, т.е. согласие всех без исключения общинников по каждому ключевому вопросу их повседневности.

К началу XX века многие элементы общинных устоев в России прекратили свое существование, но даже во все последующие периоды (от раннего до позднего социализма) в среде крестьянства они присутствовали. Среди них: помощь в строительстве домов, распределение участков сенокоса для семейного хозяйства, поддержка инвалидов, стариков и т.п. Но есть и проблемы, связанные с исключением из связей и отношений, в которых они нуждаются как существа социальные.

Разделяя оценку известного ученого Стейнара Квале о доверии минимальному числу опрошенных качественного исследования (количество респондентов обычно находится в пределах 15+ 10) [8], приводим наши данные о моделях соединения типичных смыслов рациональности в сельской среде.

Итак, деревня Омской области, удаленная от малого города и железной дороги на 25 км. Респонденты: три члена старшей семьи (женщины – 75 и 45 лет, мужчина – 50 лет) и новой, образовавшейся в браке одной из двух внучек (30 и 35 лет) и переселившейся в район на расстоянии 70 км. Как в первой, так и во второй семье женщинам (75 лет и 30 лет) в силу сочетания разных факторов приходится выполнять роль главы домохозяйства. Предпосылками явилась смерть главы семьи-мужчины в годы, когда дочь заболела хронической болезнью, а внучки находились в раннем детском возрасте. Во втором – в силу высокого статуса дочери, ставшей педагогом (зам. директора) сельской школы, занятой в основном на своем подворье и обладающей достаточной компетенцией по взаимодействию с разными инстанциями по сбыту агропродукции – результатом труда своего мужа.

Ее образ жизни интересен как инвариант наследования интеллигентской и крестьянской жизнедеятельности в условиях села (табл).

Таблица – Распределение ресурсов домохозяйств, в % к итогу

	Образование	Занятость	Состав подворья	Бюджет	Пополнение ресурсов	Планы
Старшая семья	Начальное у бабушки, среднее у дочери и зятя	Только ЛПХ	1 корова, 1 теленок, 15 кроликов, 20 кур, гусей	2 пенсии (около 30 тыс. руб.), продукты питания с огорода, зерно за сдачу земельных паев	Приобрели 5 видов ресурсов на 40 тысяч рублей в год. Вклады в банке - отсутствуют	Полностью не сбылись
Новая семья	Высшее у дочери, среднее у зятя, две дочери - школьницы	Завуч в школе, муж в ЛПХ	2 коровы, 2 теленка, 25 кроликов, 20 кур	Зарплата учителя - 20 тыс. руб., продажа продуктов подворья (молоко, сметана, творог, яйцо) на 5 тысяч рублей в месяц	Приобрели 6 видов ресурсов на 60 тысяч рублей (предметы культурного назначения), сумма вклада в банке 30 тысяч рублей	Сбылись на 50%

В пореформенные годы на селе почти утрачена традиция формального общения жителей с сельской интеллигенцией, которой вменялось выполнять культурно-просветительскую функцию. По данным нашего исследования «слушали лектора» в последние 5-6 лет только 1,4%, а 74,8% много лет тому назад или никогда [6]. В случае нужды в помощи (которая может иметь не только предметный, но и метафизический смысл) она адресуется в основном к родным, друзьям (87,2% и 57,1%) и только 5,3% к чиновникам местных органов власти, 3,4% в профсоюзную организацию, 0,2% - в политическую партию, 3% - к священнику [7].

Корректировка рациональности, ограниченной общинными устоями, связана с возрастающими темпами мобильности, направленной в город. В советские годы молодежные группы уходили в ФЗУ индустриального профиля, в вузы, техникумы и военные училища. Закрепляясь в несельской среде, они несли новые смыслы рациональности, что корректировало целерациональные и ценностные стороны мира сельчан, остающихся жить в деревне. Это процесс происходит в наши дни, вырабатывая стандарты не только благополучной жизни, достижимые в сельской местности, но и демонстрируя способность к служению во имя высоких социальных целей, реализуемых в российском обществе.

В условиях переосмысления ряда ценностей становится более понятной роль собственных ресурсов сплоченности сельских сообществ. Восстановление ее - еще одна составляющая парадигмы. В сельском социуме общественная рациональность высокого смысла имеет благоприятные предпосылки для распространения ее за счет большой прослойки старшего поколения, которое более адаптировано к трудностям и своим присутствием стабилизирует социальную среду, начиная с семьи.

Российская (русская) ментальность имеет исключительно важную особенность: совпадение народной (крестьянской) рациональности с христианской. Суть той и другой в состоянии душевного покоя при одновременной готовности к мобилизационному поведению для преодоления ключевых проблем общенационального смысла.

Как видим, распределение повседневных занятий в семье учительницы типично для крестьянской традиционности. Жена, будучи учительницей, помимо труда на 1,5 ставки в школе (проверки письменных работ учеников, написания многочисленных справок и отчетов), отметила, что на нее приходится следующая нагрузка в своем доме: заготовка продуктов - 80%; стирка - 100%; приготовление пищи - 100%; мытье посуды - 100%. Хотя непреложных обязанностей по обслуживанию подворья много, но ведение его не является тягостным по оценке хозяйки: «дает спокойствие после работы в школе». При этом она считает главой семьи себя, так как исключительно на нее ложатся планирование расходов, контакты с банками, лечение детей.

Как можно оценить симбиоз крестьянского и интеллигентского начал, которые характерны для наследования сущностных черт рассматриваемой молодой семьи? С позиции стойкости наиболее адаптивной является образ женщины, которая с детства усвоила все приемы, способы, методы ведения подворья. Став учительницей и убедившись, что на вознаграждение за счет интеллектуального труда не выжить, она вместе с мужем обратилось к типично крестьянским практикам, содержа достаточно большое количество животных. В такой же жизненной ситуации находится в настоящее время агрономы, инженеры, ветеринарные врачи, фельдшеры ФАПов и работники учреждений культуры, труд которых оценивается низко и им приходится отвлекаться от выполнения своих профессиональных функций, чтобы работать на своем подворье.

На примере изучаемой деревни можно обнаружить достаточно четкие феминистские особенности социально-профессионального воспроизводства, которое сохраняется даже в условиях ослабления и распада многих институтов жизни деревни. Как отметили респонденты, отношение к учебе у мальчиков и девочек изначально было различным. Первые после 8-го класса поступали в ПТУ, чтобы учиться на механизатора широкого профиля, тракториста, комбайнера, водителя автомобиля, а девочки не только завершили среднюю школу, но многие поступили в высшие и средние специальные учебные заведения, в основном аграрного

профиля, педагогики, медицины. Некоторые вернулись в свое село (фельдшер с 1980-го года до сих пор трудится в местном ФАПе).

Респонденты из обеих семей ценят образование: глава старшей семьи, оставшись без мужа, приложила огромные усилия, чтобы дочь и внучки получили образование (одна – высшее, другая – среднее-специальное), которые трудятся по полученным специальностям. Менее значимые и стабильные социальные роли выполняют юноши: один эпизодически занят «на вахте», два – на молочном заводе в г. Омске, два – заняты в ЛПХ, один остался служить в армии по контракту. Респонденты не могли вспомнить о том, чтобы кто-то из молодых людей поступил на учебу и вернулся в село.

Приведенный выше случай отражает практики семей, главными нематериальными ресурсами которых являются терпение и упорство в решении стандартных задач жизнеустройства по модели: получил профессию, пришел работать в хозяйственные организации. Однако постсоветская институализация функционирования экономики открыла возможности и для собственных инициатив, автономного семейного хозяйствования, которое зачастую превосходит по результатам занятости в корпоративно-долевом и фермерском укладах и потому перспективно для людей творческого склада [9]. Но ведение такого хозяйства – это и неизмеримо большая ответственность всех членов семьи.

Из-за отстраненности значительной части жителей села экономически активного возраста, старшего поколения от участия в формальных аграрных организациях (ООО, крупные и средние фермеры обходятся незначительным контингентом работников) в сельских территориях сохраняются черты идентичностей, заложенных в народной культуре. Хотя, благодаря рыночному порядку, пришедшего в село, стоимостные отношения тоже заняли определенное место, но область их действия невелика и нередко не имеют строго правового оформления. Исключением является продажа семьей своего земельного пая, в то время как натуральные продукты, полученные от арендатора, продаются на основе устной договоренности, по ценам сложившимся на момент сделки. По традиционной схеме действует расчет хозяев подворий с местными хозяйственными организациями за вспашку огородов, приобретение фуража и т.д. Эти факты свидетельствуют о высокой ценности доверия среди прочих черт рациональности жителей современной деревни.

Заключение.

Необходимо переформатирование подхода к оценке связи материальных и нематериальных ценностей, как источников, которые могут использоваться для общего блага. Социальные ресурсы разного содержания не являются согласованной безотказной системой, которую можно включить и получать результаты. Объяснение этому – в разном статусе их составляющих, в качестве, податливости к управлению. Одно дело – принять программу воссоздания какой-то сферы села, выделив на это средства, например, на улучшение профессиональных качеств трудовых ресурсов, другое дело – реальное поведение тех, кто подрастёт и через 10-15 лет воспользуется этой программой. По программе статус молодого человека – быть механизатором или агрономом, а в силу разных обстоятельств он захочет стать врачом или открыть мастерскую по ремонту автомобилей в городе. Отсюда разные подходы и к регулированию пространства социальных ресурсов: в одних случаях жёстко, в других – допускаемая диапазон (результаты могут быть выше или ниже, лучше или хуже). Кроме того, ряд элементов неустраим: например, потеря части людей за счет злоупотребления алкоголем и т.д.

С учётом этой оценки и того, что ряд активистских проявлений имеет негативный смысл, о которых было сказано выше, появляется соблазн что-то исключить из социальных ресурсов. Однако не действующие или превращенные формы человеческой активности могут быть рассмотрены в таких понятиях, как деформированные, затухающие или, наоборот, зарождающиеся социальные ресурсы, которые своеобразно формирует и корректирует глобализация.

Изоляция от стран Запада для жителей села не имеет прямого отношения, так как содержание повседневности основной массы семей остается неизменным. Как и ранее они не

были включены в непосредственные контакты, взаимодействие с акторами Запада. Обеспечение техникой, запчастями, семенами – это вопросы собственников разного масштаба. Преодоление их возможно для массового семейного хозяйства за счет собственных мастерских, что открывает рабочие места и способствует полипрофессионализму кадров.

Список источников

1. Стёпин В.С. Гусейнов А.А. От классовых приоритетов к общечеловеческим ценностям/ Квинтэссенция: Философский альманах. – М.: Политиздат, 1992. – 400 с.
2. Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. – М.: Наука, 2018.
3. Бергер Питер Л. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива/ Пер. с англ. – М.: Аспект пресс. 1996. - С. 91.
4. Сусоколов А.А. Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию. –М.: SPSL – «Русская панорама», 2006. - С.130.
5. Великий П.П. Социокультурные ресурсы устойчивости сельских территорий: состояние и перспективы воспроизводства // Теория и практика общественного развития. 2022. №6. С. 17.
6. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2016. - С. 350
7. Квале С. Исследовательское интервью – М.: Смысл, 2003. –С..106.
8. Великий П.П. Акторы сельского автономного семейного хозяйствования: смыслы и результаты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 201–215.

References

1. Stepin V.S. Huseynov A.A. et al. From class priorities to universal values. *Quintessence: Philosophical almanac*. 1992: 400 p. (In Russ)
2. Toshchenko J. T. Precariat: from proto–class to a new class. 2018. (In Russ)
3. Berger Peter L. Invitation to sociology. Humanistic perspective. 1996: 91. (In Russ)
4. Susokolov A.A. Culture and exchange: Introduction to economic anthropology. 2006:130. (In Russ)
5. Velikiy P.P. Socio-cultural resources of sustainability of rural territories: status and prospects of reproduction. *Theory and practice of social development*. 2022;(6):17. (In Russ)
6. The meanings of rural life.The experience of sociological analysis. *Center for Social Forecasting and Marketing*. 2016: 350. (In Russ)
7. Kvale S. Research interview. 2003:106. (In Russ)
8. Velikiy P.P. Actors of rural autonomous family management: meanings and results. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2021;14(4):201-215. (In Russ)

Информация об авторе

П.П. Великий – доктор философских наук

Information about the author

P.P. Velikiy – doctor of philosophical sciences

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 13.07.2022.

The article was submitted 20.06.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 13.07.2022.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 2. С. 52-59.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(2):52-59.

Научная статья
УДК 316.42

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕЛЬСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ СРЕДСТВ ИКТ В РАЗЛИЧНЫХ ЦЕЛЯХ

Светлана Геннадиевна Былина

Институт аграрных проблем – обособленное структурное
подразделение Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Саратовский научный центр Российской академии наук»,
г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. *Исследована степень воздействия нового глобального вызова (пандемии COVID-19) на динамику процесса информатизации сельских территорий. На основе данных Федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей, а также Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения проведен сравнительный анализ обеспеченности и использования сельским населением средств информационно-коммуникационных технологий, в том числе в возрастном и квалификационном разрезе, в доковидный и пандемийный периоды. Установлено, что пандемия COVID-19 способствовала интенсификации процесса информатизации сельских территорий. Пандемийный период характеризуется ростом темпов обеспеченности сельского населения компьютерной техникой, средствами доступа к сети Интернет, увеличением потребности сельского населения в высокоскоростном Интернете, а также усиленным ростом сельской пользовательской аудитории, особенно в старших возрастных категориях.*

Ключевые слова: *сельское население, информационно-коммуникационные технологии, сеть Интернет, пользователи, пандемия COVID-19.*

Для цитирования: *Былина С.Г. Влияние пандемии Covid-19 на использование сельским населением средств ИКТ в различных целях // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 2. С. 52-59.*

Original article

IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON THE USE OF ICT TOOLS BY RURAL POPULATION FOR VARIOUS PURPOSE

Svetlana G. Bylina

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal
State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific
Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia,
iagpran@mail.ru

Abstract. *The degree of impact of a new global challenge (pandemic COVID-19) on the dynamics of the process of informatization of rural areas has been studied. Based on the data of the Federal Statistical Observation on the Use of Information Technologies and Information and Telecommunication Networks by the Population, as well as the Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the Population, a comparative analysis of the provision and use of infor-*

mation and communication technologies by the rural population was carried out, including in age and qualification sections, during pre-Covid and pandemic periods. It has been established that the COVID-19 pandemic contributed to the intensification of the informatization process in rural areas. The pandemic period is characterized by an increase in the rate of provision of the rural population with computer equipment, means of accessing the Internet, an increase in the need of the rural population for high-speed Internet, as well as an increased growth in the rural user audience, especially in older age categories.

Key words: rural population, information and communication technologies, Internet, users, COVID-19 pandemic.

For citation: Bylina S.G. The impact of the Covid-19 pandemic on the use of ICT tools by the rural population for various purposes // *Regional agrosystems: economics and sociology*. 2022;(2):52-59.

Введение.

Информационно-коммуникационные технологии стали неотъемлемой частью повседневной жизни, доступ к средствам ИКТ и уровень их использования становится одним из приоритетов социально-экономической политики государства. По данным специалистов НИУ «Высшей школы экономики» ежегодно в нашей стране Интернет-аудитория увеличивается не менее, чем на 1%. Доля россиян, которые когда-либо использовали сеть Интернет, в 2020 году составила почти 90%, при этом для 76,7% выход в сеть стал ежедневной практикой [1]. Несомненно, на увеличение Интернет-аудитории существенно влияет рост доступности сети, однако, в последние годы следует предположить возможность значительного влияния внешних факторов на динамику процесса информатизации, самым существенным из которых стала пандемия COVID-19. Перевод большей части коммуникаций в цифровое пространство в связи с ограничительными мерами, введенными для борьбы с распространением коронавирусной инфекции, вынудил большую часть населения активизироваться в информационном пространстве.

Целью настоящего исследования является анализ степени воздействия пандемии COVID-19 на динамику использования сельским населением РФ средств информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в разрезе возрастных и профессионально- квалификационных групп.

Материалы и методы исследования.

Информационную базу исследования составляют данные Федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей за 2013-2021 годы [2], а также Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE), волны с 22 по 29 [3]. В работе использованы методы статистического анализа данных в программе SPSS 10.0.

Результаты исследования.

Согласно результатам Федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно- телекоммуникационных сетей, доля сельского населения, обладающего доступом к личным средствам ИКТ (персональный компьютер, выход в Интернет) с 2013 по 2021 гг. выросла на 15,5 и 57,6% соответственно (рис.1). Доля сельского населения, имеющего широкополосный выход в Интернет, увеличилась за данный период в 2,3 раза.

Рисунок 1 - Динамика наличия средств ИКТ в сельских домохозяйствах, % от числа домохозяйств

Следует, однако, отметить, что темпы роста обеспеченности сельских домохозяйств средствами ИКТ весьма неравномерны (табл. 1).

Таблица 1 - Темпы роста обеспеченности сельских домохозяйств средствами ИКТ, разы к предыдущему году

Наличие средств ИКТ	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Персональный компьютер	1,07	1,06	1,04	1,01	0,97	0,93	1,05	1,02
Доступ к сети Интернет	1,12	1,06	1,07	1,05	1,01	1,01	1,06	1,09
Широкополосный доступ к сети Интернет	1,35	1,15	1,10	1,05	1,02	1,00	1,08	1,14

Очевиден значительный рост обеспеченности средствами ИКТ в начальный период наблюдения (с 2014 по 2016 гг.), затем темпы роста существенно замедляются. Пандемия COVID-19 со всей очевидностью дала новый толчок развитию данного процесса. 2020 и 2021 гг. характеризуются ростом темпов обеспеченности сельского населения средствами доступа к сети Интернет, в том числе широкополосного. В меньшей степени это касается приобретения персональных компьютеров, хотя динамика роста и данного показателя в указанные годы положительна.

Анализ данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения за 2013-2020 годы (рис. 2) показывает выраженную тенденцию перехода сельских пользователей со стационарных на переносные компьютеры, особенно ярко проявившуюся в пандемийный период. С 2018 по 2020 гг. доля домохозяйств, имеющих переносной компьютер (ноутбук, лэптоп), выросла в 1,4 раза, стационарный компьютер – лишь на 4,4 %, причем в доковидный период (2017-2019 гг.) последний показатель имел стойкую тенденцию к снижению. Таким образом, очевидно влияние пандемии COVID-19 на рост обеспеченности сельского населения компьютерной техникой.

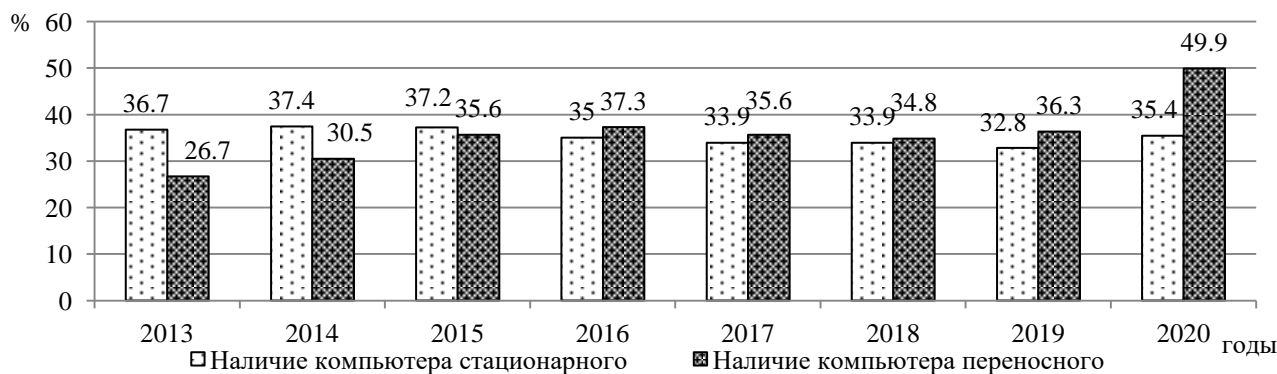

Рисунок 2 - Динамика наличия компьютерной техники в сельских домохозяйствах, % от числа домохозяйств

На динамику использования средств ИКТ сельским населением большое влияние оказывает качество предоставляемых услуг связи. Отмечая рост доли сельских домохозяйств, имеющих выход в сеть Интернет в пандемийный период, следует отметить переход все более значительной доли домохозяйств с низкоскоростного (через обычную телефонную линию, через мобильный телефон, модем по технологии GPRS) на высокоскоростной Интернет (через кабель, телефонную линию по технологии DSL, спутник, мобильный телефон по технологии 3G, UMTS, через Wi-Fi, WiMax) (рис. 3). Так, если в 2013 году соотношение доли сельских домохозяйств, имеющих низкоскоростной выход в Интернет, к аналогичному показателю с высокоскоростным Интернетом составляло 1,66, то в 2020 году соотношение сократилось до 0,24. Особенно резкий рост высокоскоростного доступа отмечается во время начала ограничений, связанных с пандемией COVID-19. В 2020 году доля сельских домохозяйств, имеющих высокоскоростной выход в Интернет, выросла относительно 2018 года в 2,1 раза.

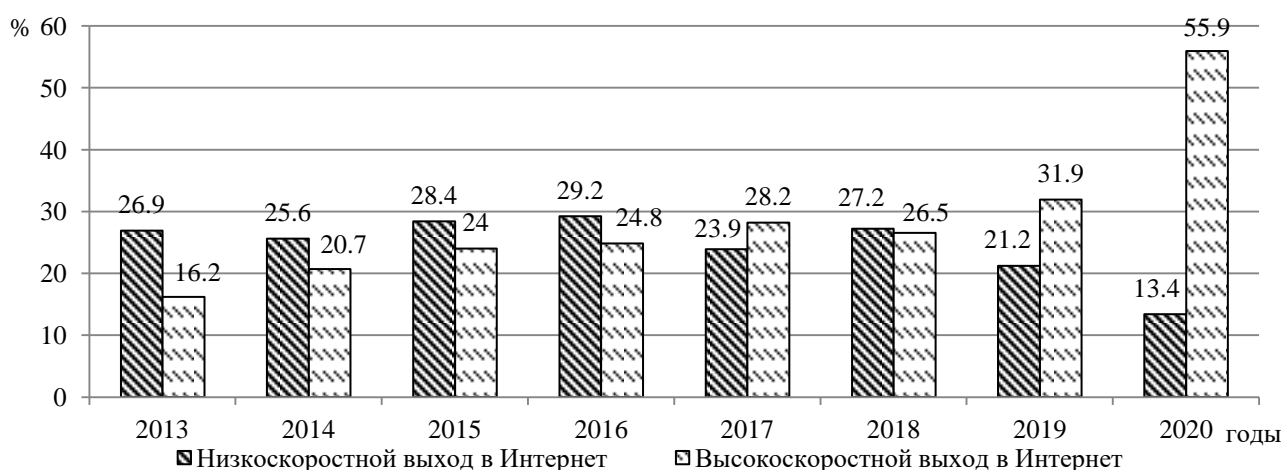

Рисунок 3 - Динамика наличия выхода в Интернет в сельских домохозяйствах, по качеству связи, % от числа домохозяйств

Таким образом, отмечается явное влияние такой внешней угрозы, как пандемия COVID-19, на рост потребности сельского населения в обеспеченности высокоскоростным Интернетом. Следует также отметить, что удовлетворение данной потребности стало во многом возможным, благодаря реализации ФЗ № 9 от 3 февраля 2014 года «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи», который предусматривает создание точек доступа к сети Интернет в населенных пунктах численностью от 250 до 500 человек и предоставление населению доступа к Интернет на скорости не менее 10 Мбит/с [4], а также Указа Президента РФ № 474 от 21 июля 2021 года «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», где пятой национальной целью развития указана цифровая трансформация, а в качестве целевых показателей к 2030 году: увеличение доли домохозяйств, которым обеспечена возможность широкополосного доступа к информационно- телекоммуникационной сети Интернет, до 97% [5].

На основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения проведен сравнительный анализ использования сети Интернет сельскими жителями в доковидный (2018 год) и начальный пандемийный период (2020 год). Размеры выборки составляют от 3222 до 2982 респондентов, выделенных по типу проживания – «сельская местность».

Согласно полученным результатам, доля сельских жителей, которым приходилось пользоваться Интернетом в течение последних 12 месяцев увеличилась с 58,1% в 2018 году до 65,7% в 2020 году, т.е. на 13%. Если учесть, что с 2016 года ежегодный прирост сельских пользователей не превышал 5,4%, то в 2020 году относительно предыдущего года прирост составил 9,9%. Таким образом, заметен усиленный рост сельской пользовательской аудитории сети Интернет во время пандемии COVID-19.

Таблица 2 - Динамика возрастной структуры сельских пользователей сети Интернет, % от числа ответивших

Возраст, лет	2018 год	2020 год
6-17	19,35	19,95
18-25	13,20	11,84
26-35	18,10	15,51
35-45	19,81	19,18
46-60	22,77	24,29
61-70	5,81	7,86
71 и старше	0,97	1,38

Результаты исследования показывают, что по сравнению с допандемийным периодом в 2020 году в структуре сельских пользователей выросла доля детей школьного возраста, что ожидаемо ввиду перевода школьников на удаленный режим обучения, а также жителей села старше 46 лет, причем в возрасте старше 60 лет – в 1,4 раза (табл. 2). В связи с этим в структуре сельских пользователей несколько снизились доли молодых возрастов.

Более полную картину изменения структуры сельских пользователей можно получить, анализируя динамику целей использования сети Интернет (рис. 4).

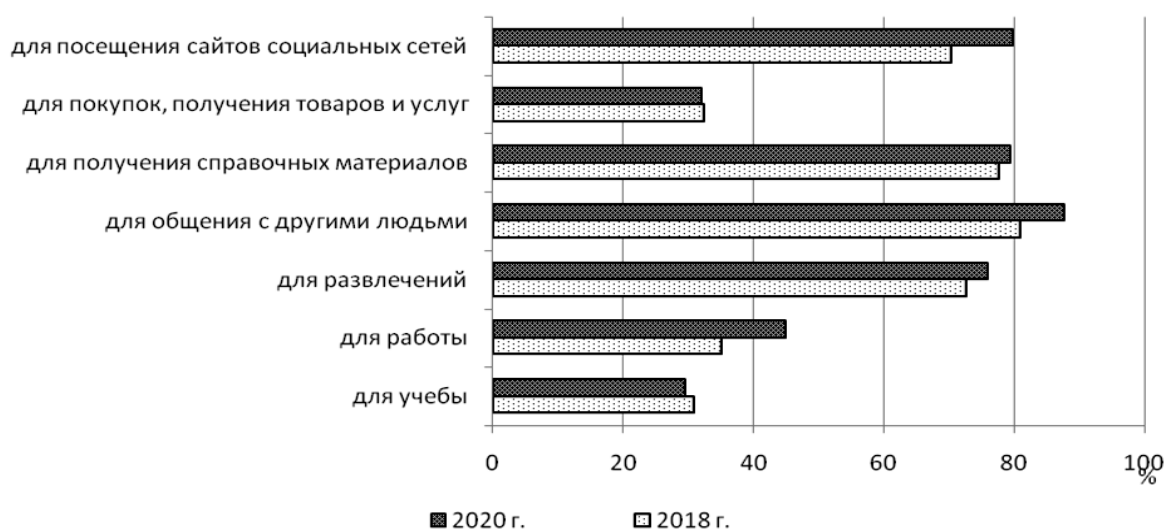

Рисунок 4 - Динамика использования сети Интернет сельским населением по целям использования, % от числа пользователей

Наибольший рост сельской аудитории отмечается в использовании сети Интернет для профессиональных целей – в 1,27 раза, т.е. при переводе на удаленный режим работы. Очевидно также, что в условиях пандемийных ограничений люди стали значительно чаще выходить в Интернет для различных коммуникации, о чем говорит рост доли сельских пользователей, выходящих в Интернет для посещения социальных сетей (на 13% относительно показателей 2018 года) и для общения с другими людьми (на 8% соответственно).

Анализ динамики возрастной структуры сельских пользователей сети Интернет по целям использования (табл. 3) позволяет отметить следующее.

Несмотря на то, что наибольшая доля сельских жителей, использующих сеть Интернет для учебы, приходится на школьный возраст, следует отметить, что самый значительный рост в структуре пользователей для данной цели за время пандемии отмечен в возрастной группе 35-45 лет (на 15,8%). Данный факт связан с необходимостью смены вида деятельности и переобучения в связи с влиянием пандемийных ограничений на занятость сельского населения. Отмечен также рост доли сельских жителей старших возрастных категорий (61-70 лет), которые активней стали использовать сеть Интернет для получения новых знаний.

Таблица 3 - Динамика возрастной структуры сельских пользователей сети Интернет по целям использования, % от числа ответивших

Возраст, лет	для учебы		для работы		для развлечений		для общения с другими людьми		для получения справочных материалов		для посещения сайтов социальных сетей	
	2018	2020	2018	2020	2018	2020	2018	2020	2018	2020	2018	2020
6-17 (для работы – 14-17)	17,81	18,83	0,26	0,29	15,4	15,7	14,34	14,80	14,29	13,83	11,67	13,01
18-25	7,51	6,22	3,16	4,24	10,2	10,0	11,90	11,02	11,55	10,10	10,81	11,07
26-35	1,88	1,89	9,28	8,43	14,7	12,8	16,62	13,88	14,51	11,89	14,63	14,54
35-45	1,37	1,58	9,16	10,63	14,6	13,7	16,05	16,43	15,54	14,80	14,17	16,33
46-60	1,82	1,22	11,73	13,07	13,5	15,0	17,13	19,80	16,96	18,01	14,68	18,98
61-70	0,23	0,26	1,55	2,21	3,5	4,7	3,98	6,48	4,10	5,46	3,76	5,66
71 и старше	0,06	0,05	0,00	0,17	0,7	0,6	0,80	1,17	0,57	0,56	0,46	0,92

Средства ИКТ для своей профессиональной деятельности наиболее активно используют сельские жители старше 46 лет. Однако наиболее существенный рост в структуре сельских пользователей, использующих Интернет для работы, отмечен в возрастах от 18 до 25 лет (на 34%) и от 61 до 70 лет (на 42%). В 2020 году наибольшая доля сельских жителей, использующих сеть Интернет для развлечений и общения с другими людьми, приходится на возрастную категорию от 46 до 60 лет. Однако за время пандемии самый значительный рост доли сельчан, использующих сеть Интернет для означенных целей, произошел в возрастной категории от 61 до 70 лет (на 62,6 %). В условиях изоляции недостаток общения стал стимулом для освоения технических средств связи с использованием сети Интернет для многих пенсионеров. Более того, доля данной возрастной категории в структуре сельских пользователей выросла при использовании сети Интернет для получения справочных материалов (на 33 %). Следует также отметить значительный рост доли сельских жителей в возрасте 71 года и старше, которые за время пандемии стали активно пользоваться социальными сетями (в 2 раза).

Исследована динамика квалификационной структуры сельских пользователей сети Интернет за пандемийный период (рис. 5).

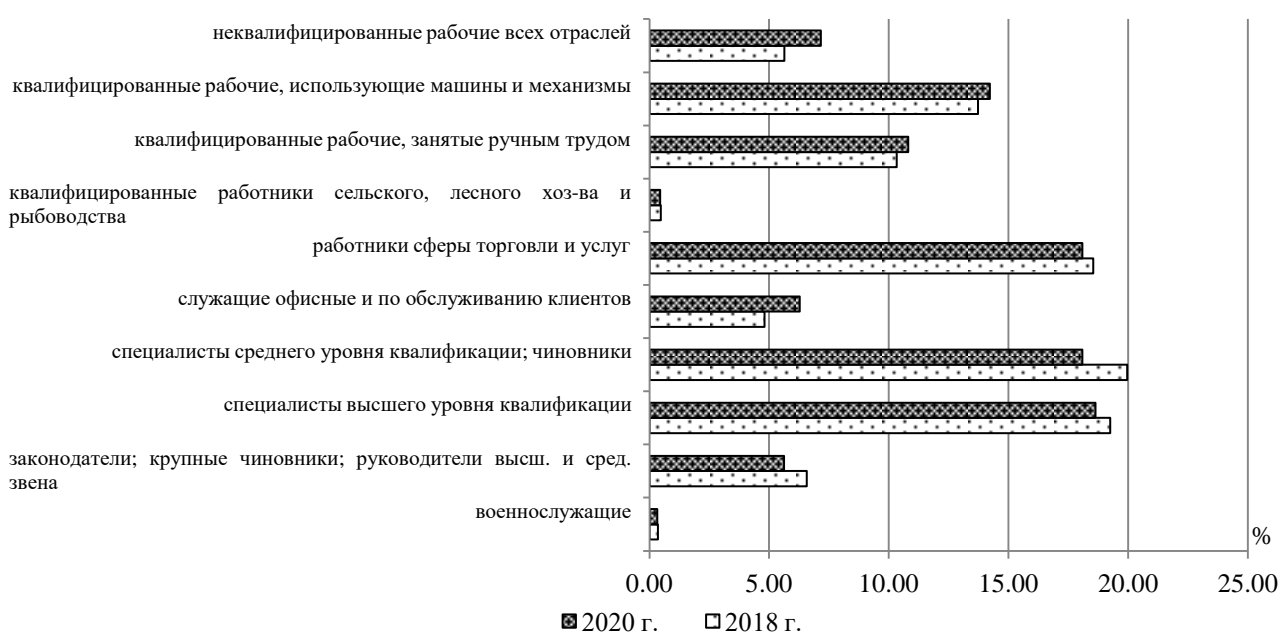

Рисунок 5 - Динамика квалификационной структуры сельских пользователей сети Интернет, % от числа ответивших

Анализ полученных результатов показывает, что в 2020 году по сравнению с 2018 годом в квалификационной структуре сельских пользователей сети Интернет выросла доля офисных служащих по обслуживанию клиентов, что вполне объяснимо родом их деятельности, а также пользователей рабочих специальностей, особенно неквалифицированных рабочих всех отраслей (на 27,2%). Для объяснения данного факта проанализирована динамика квалификационной структуры сельских пользователей по целям использования сети Интернет (табл. 4).

Таблица 4 - Динамика квалификационной структуры сельских пользователей сети Интернет по целям использования, % от числа ответивших

Квалификационная группа	для учебы		для работы		для получения справочных материалов	
	2018	2020	2018	2020	2018	2020
военнослужащие	0,0	0,8	0,6	0,6	0,4	0,3
законодатели; крупные чиновники; руководители высшего и среднего звена	8,7	8,2	9,9	8,7	7,6	6,1
специалисты высшего уровня квалификации	42,3	41,0	31,1	28,0	22,4	21,8
специалисты среднего уровня квалификации; чиновники	20,2	14,8	26,5	22,4	21,9	19,1
служащие офисные и по обслуживанию клиентов	4,8	8,2	4,7	7,2	4,5	6,4
работники сферы торговли и услуг	9,6	14,8	12,6	16,9	17,2	19,1
квалифицированные работники сельского, лесного хозяйства и рыбоводства	0,0	0,0	0,8	0,7	0,4	0,6
квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом	6,7	5,7	6,6	7,2	10,3	10,2
квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы	4,8	4,1	5,3	6,7	11,8	11,1
неквалифицированные рабочие всех отраслей	1,9	2,5	1,4	1,1	3,2	4,8

Результаты исследования показывают, что в квалификационной структуре сельских пользователей, использующих сеть Интернет для учебы, за пандемийный период выросла доля офисных служащих по обслуживанию клиентов, работников сферы торговли и услуг, а также неквалифицированных рабочих всех отраслей. По-видимому, для офисных служащих это связано с необходимостью осваивать новые программы и технику в связи с переходом на удаленный режим работы, а для неквалифицированных рабочих – необходимостью повышения уровня квалификации или переобучения.

В профессиональных целях сеть Интернет постоянно используют офисные работники, а также работники сферы торговли и услуг. Поэтому рост доли этих категорий работников в квалификационной структуре сельских пользователей сети Интернет в профессиональных целях понятен. Однако за время пандемии выросла доля квалифицированных рабочих, которые пользуются сетью Интернет для работы, следовательно, этот факт свидетельствует о том, что пандемия COVID-19 способствовала интенсификации процесса информатизации сельского хозяйства. Также значительно выросла доля неквалифицированных рабочих всех отраслей, использующих сеть Интернет для получения справочных материалов (на 50,8%), а также квалифицированных работников сельского, лесного хозяйства и рыбоводства (на 30,1%).

Заключение.

Проведенное исследование показало, что пандемия COVID-19 дала новый толчок развитию процесса информатизации сельских территорий, усилила сложившиеся тенденции, придав мощный импульс трансформационным процессам. Период с 2020 г. по 2021 гг. характеризуются ростом темпов обеспеченности сельского населения компьютерной техникой, средствами доступа к сети Интернет, в том числе широкополосного доступа, ростом потреб-

ности сельского населения в обеспеченности высокоскоростным Интернетом, а также усиленным ростом сельской пользовательской аудитории. Вынужденная социальная дистанцированность послужила серьезным стимулом для повышения навыков взаимодействия со средствами ИКТ в возрастной сельской аудитории. Следует предположить, что выработанные навыки позволят сохранить цифровую активность и после снятия ковидных ограничений. Таким образом, пандемия COVID-19, рассматриваемая в качестве внешнего вызова, способствовала интенсификации процесса информатизации сельских территорий.

Список источников

1. Тенденции развития интернета: от цифровых возможностей к цифровой реальности: аналитический доклад [Электронный ресурс] / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишнеvский, Л. М. Гохберг и др.; АНО «Координационный центр национального домена сети Интернет»; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Электрон. текст. дан. (объем 15,6 Мб). – М.: НИУ ВШЭ, 2022. –228 с.
2. Итоги Федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. - URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt21/index.html.
3. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE). - URL:<http://www.hse.ru/rlms>,<http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>.
4. ФЗ от 03.02.2014 N 9-ФЗ "О внесении изменений в ФЗ «О связи»». - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158410/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/
5. Указ № 474 от 21.07.2020 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». - URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728>.

References

1. Abdrakhmanova G.I., Vasilkovsky S.A., Vishnevsky K.O., etc. Trends in the development of the Internet: from digital capabilities to digital reality: analytical report. National. research. uni-t "Higher School of Economics". Moscow. 2022:228. (In Russ)
2. Results of the Federal Statistical Observation on the use of information technologies and information and telecommunication networks by the population. - URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt21/index.html. (In Russ)
3. Russian Monitoring of the economic situation and public health of the HSE (RLMS-HSE). - URL:<http://www.hse.ru/rlms>,<http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>. (In Russ)
4. Federal Law No. 9-FZ dated 03.02.2014 "On Amendments to the Federal Law "On Communications"". - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158410/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (In Russ)
5. Decree No. 474 of 21.07.2020 "On the National development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030". - URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728>. (In Russ)

Информация об авторе

С.Г. Былина – кандидат экономических наук.

Information about the author

S.G. Bylina – Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 27.06.2022; одобрена после рецензирования 05.07.2022; принята к публикации 13.07.2022.

The article was submitted 27.06.2022; approved after reviewing 05.07.2022; accepted for publication 13.07.2022.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 2. С. 60-68.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(2):60-68.

Научная статья
УДК 316.452

ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ УЛУЧШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАВЫКОВ РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Елена Викторовна Бочарова

Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр
Российской академии наук», г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются внутренние факторы, которые влияют на развитие профессиональных компетенций сотрудников, занятых в сельском хозяйстве по месту основной работы. Факторы представлены следующими группами: социально-демографические характеристики персонала (пол, возраст, образование, семейное положение), социальные (заинтересованность работника в профессиональном росте), мотивационные (мотивы, интересы работников). В процессе работы использовались данные федерального статистического наблюдения участия населения в непрерывном образовании, проведенного в 2020 году. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что анализ внутренних факторов совершенствования профессиональных компетенций сотрудников по месту их основной работы является одним из ведущих аспектов успешного регулирования жизнедеятельности трудового коллектива.

Ключевые слова: компетенция, фактор, сельское хозяйство, работники, занятость.

Для цитирования: Бочарова Е.В. Внутренние факторы улучшения профессиональных навыков работников сельского хозяйства // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 2. С 60-68.

Original article

INTERNAL FACTORS FOR IMPROVING PROFESSIONAL SKILLS OF AGRICULTURAL WORKERS

Elena V. Bocharova

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary
Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy
of Sciences, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Abstract. The article discusses the internal factors that affect the development of professional competencies of agricultural employees. The factors are represented by the following groups: socio-demographic characteristics of the personnel (gender, age, education, and marital status), social (employee's interest in professional growth), motivational (motives, interests of employees). In the process of work, data from the federal statistical observation of the participation of the population in lifelong education, conducted in 2020, were used. It is resulted that the analysis of internal factors for improving the professional competencies of employees at their main place of work is one of the leading aspects of the successful regulation of the life of the workforce.

Key words: competence, factor, agriculture, workers, employment.

For citation: Bocharova E.V. Internal factors for improving professional skills of agricultural workers // Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(2): 60-68.

Введение.

Понятие «фактор» (лат. factor – делающий, производящий) - причина, движущая сила какого-либо процесса, явления, определяющая его характер, механизмы, отдельные черты и стадии протекания [1]. Следовательно, факторы, влияющие на развитие профессиональных компетенций – это причины, предпосылки и условия, которые воздействуют непосредственно на процесс совершенствования навыков сотрудников внутри предприятия и за его пределами. В настоящее время наша страна пребывает в ситуации максимального санкционного давления со стороны США, Европейского Союза и ряда других государств. Существенные ограничения наложены на суверенный госдолг, международные резервы Российской Федерации, финансовые операции с крупнейшими банками, экспорт, импорт и многие сферы экономики. Негативное влияние на сельскохозяйственную сферу по-прежнему оказывает пандемия коронавирусной инфекции, которая затормозила, а в некоторых случаях и остановила работу по экспорту сельскохозяйственной продукции. Факторов, которые оказывают влияние на развитие профессиональных компетенций работников сельского хозяйства достаточно много. При выборе стратегии управления предприятием необходимо учитывать и оценивать всю совокупность внешних и внутренних предпосылок. Внешние факторы детерминированы институциональными условиями, воздействуют за пределами предприятий. К их числу можно отнести: социально-экономические, правовые, экологические, информационно-технологические. Необходимость учета и анализа внешних факторов изменения агрокомпетенций в современных условиях представляет особую сложность ввиду их противоречивости и труднопредсказуемости. Внутренние факторы обусловлены потенциалом и возможностями сотрудников, а также создаются непосредственно на рабочем месте.

Цель данного исследования состоит в анализе основных внутренних личностных факторов изменения компетенций и их воздействии на эффективность повышения профессиональных навыков работников, занятых в сельском хозяйстве по месту основной работы.

Методы исследования.

В процессе исследования применялись методы системного, сравнительного и факторного анализа, отдельные элементы метода группировок, обобщения и систематизации.

Информационная база исследования построена на материалах федерального статистического наблюдения участия населения в непрерывном образовании, проведенного в 2020 году (выборка ограничена респондентами, работающими в сельском хозяйстве), в рамках которого изучены основные показатели, характеризующие качественный состав и условия труда специалистов сельского хозяйства. Основным методом исследования является анализ двумерных распределений ответов респондентов с помощью пакета прикладных программ SPSS 17.0. Всего было опрошено 4443493 работников сельского хозяйства. В числе опрошенных 2297004 человек заняты на предприятиях со статусом юридического лица (51,7%), 1078556 лиц работают в собственном хозяйстве (24,3%), 724908 человек трудятся по найму в ИП (16,3%) и 343025 человек заняты в сфере предпринимательской деятельности (7,7%).

Результаты исследования.

Исследование внешних и внутренних предпосылок, способствующих росту профессиональных навыков сотрудников, позволит скоординировать усилия персонала организаций и тем самым послужит условием обеспечения высокой производительности труда агропредприятий. В период резких социально-экономических изменений предприятия, которые смогли обнаружить, сбалансировать и стабилизировать различные внешние и внутренние факторы, получают весомые преимущества перед потенциальными конкурентами.

В условиях усиления санкционного давления рынок труда должен не только адаптироваться к текущей ситуации, но и сформировать навыки, которые будут широко востребованы в будущем. Способность работников сельского хозяйства осваивать новые компетенции и успешно приспосабливаться к происходящим преобразованиям – залог их успешной деятельности. В связи с этим необходимо определить ключевые внутренние факторы изменения профессиональных навыков сотрудников сельхозпредприятий.

Внутренние факторы, влияющие на адаптацию сотрудников и развитие их профессиональных компетенций условно можно разделить на объективные и субъективные. Первая группа касается результативности труда специалистов, их активности в различных сферах трудовой деятельности. Вторая группа факторов характеризует удовлетворенность сельхозработника своей работой, а также определяет отношение сотрудника к избранной профессии, уровню профессиональной квалификации, освоенным знаниям, умениям и навыкам. Субъективные факторы касаются вопросов принятия существующих в организации норм и условий труда, пониманию своего места в достижении целей организации, а также уровню тревожности, утомляемости, инициативности и предприимчивости [2]. По мнению профессора А.Я. Кибанова к субъективным факторам можно отнести:

- социально-демографические характеристики работника (пол, возраст, образование, семейное положение);
- социальные характеристики (заинтересованность работника в профессиональном росте, обучении);
- мотивационные характеристики (мотивы, интересы, ценностные установки работников, которые проявляются в процессе совершенствования профессиональных компетенций).

Вышеперечисленные характеристики могут быть исследованы при помощи метода анкетирования. Большинство перечисленных факторов оказывают то или иное воздействие на развитие профессиональных компетенций работников.

По результатам федерального статистического наблюдения участия населения в непрерывном образовании, проведенного в 2020 году (выборка ограничена респондентами, работающими в агропродовольственном комплексе) [3], в процессе непрерывного образования участвуют 35,2% работников сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства. Около 65% не испытывают потребности в обучении. Под непрерывным образованием понимается образовательный процесс в течение всей жизни, связанный с постоянным совершенствованием знаний и развитием навыков человека, стремлением быть актуальным, конкурентоспособным, мобильным, культурным в профессиональной и социальной среде.

Среди участвующих в процессе непрерывного образования большая часть опрошенных (62,4%) заняты на предприятиях со статусом юридического лица, 18,5% работают в собственном хозяйстве, 11,9% трудятся по найму в ИП, 7,3% - в сфере предпринимательской деятельности.

Министерством образования и науки РФ еще в 2015 г. разработана Концепция развития непрерывного образования взрослых в Российской Федерации на период до 2025 года, которая предусматривает предоставление возможности всем гражданам на получение образования в течение всей жизни [4]. Согласно документу, непрерывное образование взрослых осуществляется через:

- образование в учреждениях, оказывающих образовательные услуги;
- обучение по месту работы (стажировка, наставничество, тренинг, инструктаж, обмен опытом, и т.д.);
- самообразование.

В РФ дополнительное профессиональное образование является неотъемлемой частью системы непрерывного образования взрослых. Потребность в совершенствовании профессиональных компетенций связана с постоянным усложнением стоящих перед работником задач, а в определенных случаях – с должностным ростом. Данный вид образования ориентирован на разностороннее удовлетворение потребностей человека в профессиональном, интеллектуальном, духовно-нравственном развитии. В сельском хозяйстве количество получающих дополнительное профессиональное образование составляет 29,0%. Данные о реализации дополнительных профессиональных программ выглядят следующим образом: на предприятиях со статусом юридического лица – 74,7%; по найму у физических лиц – 10,9%; в собственном домашнем хозяйстве – 9,0%; в сфере предпринимательской деятельности – 5,3%.

К дополнительным профессиональным образовательным программам относятся программы профессиональной переподготовки и программы повышения квалификации.

Профессиональную подготовку, повышение квалификации осуществили в течение последнего года 0,7% руководителей и специалистов. Основная часть (90%) трудятся на предприятиях со статусом юридического лица. Подобные низкие показатели обусловлены: общим снижением трудоустроенности, пандемией, низкой заинтересованностью руководителей сельхозпредприятий в технологической модернизации, финансовыми трудностями.

Краткосрочные курсы, стажировку, профессиональные тренинги, семинары, конференции, мастер-классы, которые связаны с трудовой деятельностью, прошли 1,5% работников сельского хозяйства, что связано с отсутствием заинтересованности работников и работодателей, неустойчивым финансовым положением, недостаточным распространением инновационных технологий. Численность работников, прошедших данный вид обучения в сельском хозяйстве, выглядит следующим образом: на предприятиях со статусом юридического лица – 76,2%; в собственном домашнем хозяйстве – 12,5%; по найму у физических лиц – 5,7%; в сфере предпринимательской деятельности – 5,6%.

Освоением профессиональных навыков на своем рабочем месте под руководством наставников в течение последнего года занимались 1,1% сельскохозяйственных работников. Преимущества от использования опыта, профессиональных знаний, умений и навыков наставников очевидны. Недооценка возможностей таких специалистов в процессе совершенствования компетенций приводят к потерям, особенно среди молодых работников. Создание и поддержка программ наставничества выступает важным решением для сельскохозяйственных организаций, фермеров, индивидуальных предпринимателей, самозанятых. Наставники помогают дополнить теоретические знания практическим опытом.

Во время действия ограничительных мероприятий, вызванных пандемией COVID-19, каждый пятый работник сельскохозяйственной отрасли занимался самообразованием. Данный вид образования ориентирован на удовлетворение потребностей специалистов в профессиональном, интеллектуальном и культурном развитии. В период пандемии работники сельского хозяйства уделяли больше времени тем аспектам профессии, которые им наиболее интересны, используя материалы из сети Интернет.

Рассмотрим влияние внутренних субъективных факторов на изменение навыков занятых в сельском хозяйстве по месту основной работы.

Состав работников, участвующих в непрерывном образовании, по полу в сельском хозяйстве выглядит следующим образом (табл. 1).

Таблица 1– Гендерные различия лиц, занятых в сельском хозяйстве, по участию в непрерывном образовании, в 2020 году, в % к итогу

Пол	По месту основной работы				Итого
	Предприятие со статусом юридического лица	В сфере предпринимательской деятельности, без образования юридического лица	По найму у физических лиц, ИП	В собственном домашнем хозяйстве	
мужчины	65,1	7,5	14,0	13,4	100
женщины	57,7	7,0	8,1	27,2	100

Среди участвующих в процессе непрерывного образования большая часть опрошенных мужчин (65,1%) и женщин (57,7%) заняты на предприятиях со статусом юридического лица. Треть из числа обучающихся в течение всей жизни женщин занята в домашнем производстве. Данные показывают, что женщины, как правило, чувствуют себя увереннее, получая дополнительные навыки. Наименьшее количество мужчин и женщин, готовых обучаться, заняты в сфере предпринимательской деятельности.

Таблица 2 – Возрастные различия лиц, занятых в сельском хозяйстве, по участию в непрерывном образовании, в 2020 году, в % к итогу

Возраст	По месту основной работы				Итого
	Предприятие со статусом юридического лица	В сфере предпринимательской деятельности, без образования юридического лица	По найму у физических лиц, ИП	В собственном домашнем хозяйстве	
16-34 лет	55,3	7,3	15,0	22,4	100
35-44 лет	71,0	6,0	11,0	11,7	100
45-54 лет	70,2	7,9	12,1	9,7	100
55-64 лет	67,1	6,9	6,2	19,7	100
65 и больше	29,5	12,2	1,9	56,4	100

Существенно отражается на процессе совершенствования профессиональных компетенций возраст – один из важнейших по степени воздействия социально-демографических факторов (табл. 2). Возраст связан с качественными характеристиками работников – образованием и семейным положением. Большая часть работников среднего возраста, которые активно участвуют в процессе повышения профессиональных навыков, заняты на предприятиях со статусом юридического лица. Среди участвующих в процессе непрерывного образования молодых специалистов до 34 лет немногим более половины трудятся в организациях, каждый пятый работник занят в собственном домашнем хозяйстве. С возрастом работники ориентированы на обучение для нужд семейного бизнеса.

Таблица 3 – Распределение занятых в сельском хозяйстве по участию в непрерывном образовании в зависимости от уровня образования, в 2020 году, в % к итогу

Образование	По месту основной работы				Итого
	Предприятие со статусом юридического лица	В сфере предпринимательской деятельности, без образования юридического лица	По найму у физических лиц, ИП	В собственном домашнем хозяйстве	
послевузовское профессиональное образование	68,7	0	0	31,3	100
высшее	70,6	9,5	8,1	11,8	100
среднее профессиональное образование по программам подготовки специалистов среднего звена (техникум)	47,6	28,9	10,1	13,4	100
среднее профессиональное образование по программам подготовки квалифицированных рабочих (ПТУ)	72,6	4,4	13,0	10,0	100
среднее общее	54,5	7,9	13,2	24,4	100
основное общее	42,8	8,5	15,6	33,1	100
без образования	13,0	22,8	13,1	51,1	100

Образование является наиболее важным компонентом человеческого капитала, обуславливающим значительную отдачу в будущем (рост оплаты труда, продвижение по службе и т.д.) [5, с. 100; 6].

Наличие образования, как фактора совершенствования профессиональных навыков, таково, что на крупных предприятиях со статусом юридического лица заинтересованы в развитии профессиональных навыков специалистов с высшим образованием (табл. 3). Повышение уровня цифровизации в организациях, стремление к увеличению производительности, обеспечение импортозамещения требуют высококвалифицированных специалистов с высшим и послевузовским образованием. Среди участвующих в процессе непрерывного образования

среднее профессиональное образование по программе подготовки квалифицированных рабочих (ПТУ) имеют 72,6% опрошенных работников сельскохозяйственных предприятий. Для работы в собственном домашнем хозяйстве достаточно иметь лишь основное общее образование, либо обходиться вообще без образования, а навыки можно освоить на рабочем месте.

Таблица 4 – Распределение занятых в сельском хозяйстве по участию в непрерывном образовании в зависимости от семейного положения, в 2020 году, в % к итогу

Семейное положение	По месту основной работы				Итого
	Предприятие со статусом юридического лица	В сфере предпринимательской деятельности, без образования юридического лица	По найму у физических лиц, ИП	В собственном домашнем хозяйстве	
состоят в зарегистрированном браке	70,0	7,8	8,6	13,7	100
состоят в незарегистрированном браке	59,1	3,0	22,9	15,0	100
вдовцы, вдовы	51,9	11,2	5,8	31,2	100
разведены	67,8	7,4	15,1	9,7	100
никогда не состояли в браке	45,7	6,9	16,9	30,5	100

Семейное положение оказывает влияние на развитие профессиональных навыков. Наличие семьи положительно воздействует на трудовую деятельность работника, рост его профессиональных компетенций (табл. 4). Сотрудники, состоящие в браке, наделены определенными компонентами жизненного равновесия, что повышает удовлетворенность жизнедеятельностью. Все это благоприятно влияет на профессиональный рост и совершенствование компетенций.

Важным внутренним фактором, особенно значимым для развития профессиональных навыков, является готовность работника к восприятию нового, заинтересованность в профессиональном росте, обучении. Это связано с формированием у сотрудника умения самостоятельно получать знания, потребности в их постоянном пополнении. Современное производство предполагает работника, готового совершенствовать свои знания для того, чтобы соответствовать стремительному росту научно-технических достижений. Достичь высокого уровня профессионализма можно не только в рамках формального образования, но и через самообразование. Около четверти (23%) занятых в сельском хозяйстве осваивали недостающие знания в процессе самостоятельной работы. Численность работников, прошедших данный вид обучения, выглядит следующим образом: на предприятиях со статусом юридического лица – 55,3%; в собственном домашнем хозяйстве – 23,1%; по найму у физических лиц – 13,0%; в сфере предпринимательской деятельности – 8,7%. Основная форма самообразования в условиях информационного общества - прослушивание или просмотр передач учебного характера в сети Интернет. Данный вид пополнения недостающих знаний выбрали 11,4% опрошенных. Важными средствами для расширения профессионального кругозора работники сельского хозяйства определили: обучение новому при участии друзей или коллег - 5,8%; прослушивание или просмотр передач учебного характера по телевидению – 4,6%; изучение книг и журналов – 3,4%.

Получением знаний и навыков по использованию компьютера, как одному из видов самообразования, занимались 4,8% респондентов в 2020 году. Около половины слушателей курсов по освоению необходимых для работы технических средств трудятся на сельскохозяйственных предприятиях. В домашнем хозяйстве осваивают технические новинки 21,2% опрошенных. Среди предпринимателей 16,9% изучают компьютерное оборудование (смартфоны, планшеты, ноутбуки). Относительно невысока активность в данном вопросе у работающих по найму – 13,8%.

К сожалению, большая часть работников сельского хозяйства (85,9%) не планируют пройти обучение для совершенствования профессиональных компетенций в течение года. В

ближайшие 12 месяцев готовы освоить новые профессиональные навыки 14,1% сотрудников аграрной отрасли. Среди них более половины заняты на предприятиях со статусом юридического лица. Около 24% трудятся в собственном домашнем хозяйстве.

В современных реалиях необходимы высокоорганизованные и стремящиеся к повышению профессиональных компетенций личности. Одним из основных условий приобретения и дальнейшего освоения новых знаний, умений и навыков является положительная личностная мотивация. Она проявляется в желании действовать, стремлении активизировать творческий потенциал, поэтому выступает важным внутренним фактором развития профессиональных компетенций. В большей степени у работников сельского хозяйства желание получить дополнительное образование связано со сферой труда, а не с личными интересами. Более половины сотрудников, готовых повысить уровень профессиональных компетенций, заняты на сельскохозяйственных предприятиях. Каждый пятый работник ЛПХ намерен в ближайшее время пройти обучение.

Ведущими мотивами совершенствования профессиональных компетенций являются повышение заработной платы, достижение более высоких результатов работы, продвижение по службе, что соответствует уровню социализации по А. Маслоу. Таким работникам присуще желание находиться в безопасно стабильном состоянии. Мотивационная теория А. Маслоу неоспорима. Следует учитывать особенности конкретного работника, воздействие внешних факторов. Однако, как общий подход к мотивации персонала, она продолжает применяться и рассматривается в управлении персоналом как ключевая содержательная мотивационная теория [7].

Инициаторами дополнительного образования для работников агропредприятий выступают работодатели. Около 40% занятых в домашнем хозяйстве указали членов семьи в качестве основных вдохновителей в процессе совершенствования профессиональных компетенций. Занятые по найму у физических лиц и в сфере предпринимательской деятельности решили самостоятельно продолжить обучение.

Заключение.

В условиях санкционного давления, когда у руководства предприятий возникает необходимость молниеносного принятия правильных решений, успешное и эффективное развитие бизнеса зависит от профессиональных компетенций работников. Руководители сельхозпредприятий, фермеры, предприниматели должны обладать представлением о том, сотрудниками каких навыков, способностей и знаний они располагают и каким образом активизировать внутренние факторы, чтобы умения работников раскрылись более полно и использовались плодотворно и продуктивно.

Как показывает практика, одной из причин неэффективных решений в сфере сельского хозяйства является недостаток профессиональных компетенций, а не отсутствие необходимых знаний. В настоящее время основным направлением развития сельскохозяйственного образования должно быть не только увеличение объемов теоретических знаний, но и отработка практических навыков.

В период пандемии COVID-19 каждый пятый сотрудник сельскохозяйственной сферы, независимо от места занятости, занимался самообразованием. Однако необходимо учитывать, что компетенции совершенствуются не только за счет самостоятельного освоения новой информации, но и при тесном взаимодействии с профессионалами в своей отрасли.

В условиях импортозамещения и увеличения числа отечественных сельскохозяйственных разработок особенно значимым направлением совершенствования профессиональных компетенций выступает дополнительное профессиональное образование работников. К сожалению, профессиональную подготовку, повышение квалификации осуществили менее 1% специалистов, основная доля которых занята на предприятиях со статусом юридического лица.

Более доступные и распространенные краткосрочные курсы, тренинги, семинары, мастер-классы также не получили активной поддержки в среде сельхозработников, особенно занятых по найму у физических лиц, а также в сфере предпринимательской деятельности.

На сегодняшний день одной из приоритетных задач государства является установление надежного и плодотворного партнерства между сферой образования и производства в вопросах развития системы программ по переобучению специалистов, потерявших работу или находящихся под риском увольнения. Совместная координация усилий представителей бизнеса, работников, сферы образования и власти будет способствовать формированию высококомпетентных кадров для отечественного сельского хозяйства. Агропромышленным предприятиям для предотвращения кадрового дефицита необходимо привлекать на стажировку и практику, тренинги и курсы молодых специалистов, безработных, желающих сменить сферу деятельности. Максимальное внедрение систем подбора персонала поможет обновлять и распространять информацию о текущих и будущих потребностях в специалистах, готовых пройти дополнительное обучение и переобучение в кратчайшие сроки. Использование новых цифровых информационно-консультационных сервисов поможет также сориентироваться в вопросах самозанятости и открытия бизнеса в сельском хозяйстве.

Для эффективного совершенствования профессиональных компетенций в современных условиях необходимо построение и повсеместное внедрение системы непрерывного образования работников аграрной сферы с учетом влияния внутренних личностных факторов, а именно: возраста, уровня теоретической и практической подготовки, заинтересованности в обучении, мотивированности.

Человек нуждается в профессиональном совершенствовании, развитии и плодотворном применении полученных знаний, умений и навыков в процессе трудовой деятельности. Также работники стремятся к общественному одобрению и признанию своих достижений. Стремление повысить профессиональный уровень через обучение, самообучение и переобучение делает работника высококомпетентным профессионалом, для которого особенно важна интересная и продуктивная трудовая деятельность с долей автономности при выполнении функциональных обязанностей.

Иницилируемые государством программы и нововведения должны строиться с учетом риска ментальных препятствий и возможной коррекции социокультурных факторов, профилирующих основные направления жизнедеятельности субъекта [8].

Список источников

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под. ред. Н.Ю. Шевцовой. – М.: Рус. яз., 1985. – 797 с.
2. Русакова Е.И., Синякова М.Г., Слободчикова П.С. Адаптация и дезадаптация персонала: теория и практика: пособие для студентов и слушателей по образовательным программам в области управления персоналом и практических специалистов кадровых служб. - Уральский гос. пед. ун-т, Екатеринбург, 2012. - С. 27.
3. Федеральное статистическое наблюдение участия населения в непрерывном образовании. - URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/obraz2020/index.html
4. Концепция развития непрерывного образования взрослых в Российской Федерации на период до 2025 года. - URL: http://www.dpo-edu.ru/?page_id=13095
5. Вяльшина А.А. Семейные факторы формирования миграционных намерений выпускников сельских школ // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2019. № 2.
6. Вяльшина А.А. Механизмы преодоления экономической уязвимости сельских домохозяйств с детьми // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2019. № 3. С. 164-172.
7. Маслоу А. Мотивация и личность: пер. с англ. / А. Маслоу. – СПб: Евразия, 1999.
8. Нечаева И.В. Качество жизни представителей малых форм аграрного предпринимательства в российском селе // Научное обозрение: теория и практика. 2019. Т. 9. № 9 (65). С. 1424-1429.

References

1. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. 1985. (In Russ)
2. Rusakova E.I., Sinyakova M.G., Slobodchikova P.S. Adaptation and maladaptation of a person: theory and practice: a manual for students and listeners on educational programs in the field of personnel management and practical specialists of personnel services. Ural State Pedagogical University. un-t, Yekaterinburg, 2012. (In Russ)
3. Federal statistical observation of population participation in continuous education. - URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/obraz2020/index.html (In Russ)
4. The concept of the development of continuous adult education in the Russian Federation for the period up to 2025. - URL: http://www.dpo-edu.ru/?page_id=13095 (In Russ)
5. Vyalshina A.A. Family factors of formation of migration intentions of graduates of rural schools. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2019;(2). (In Russ)
6. Vyalshina A.A. Mechanisms of overcoming the economic vulnerability of rural households with children. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2019;(3):164-172. (In Russ)
7. Maslow A. Motivation and personality: translated from English, 1999. (In Russ)
8. Nechaeva I.V. The quality of life of representatives of small forms of agricultural entrepreneurship in the Russian countryside. Scientific review: theory and practice. 2019;(9):1424-1429. (In Russ)

Информация об авторе

Е.В. Бочарова – кандидат социологических наук.

Information about the author

E.V. Bocharova – Candidate of Sociological Sciences.

*Статья поступила в редакцию 19.05.2022; одобрена после рецензирования 01.06.2022;
принята к публикации 13.07.2022.*

*The article was submitted 19.05.2022; approved after reviewing 01.06.2022;
accepted for publication 13.07.2022.*

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 2. С. 69-72.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(2):69-72.

Научная статья
УДК 316.35

СМЫСЛЫ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Светлана Тлековна Дакирова

Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные смыслы и характеристики поведения обучающейся молодежи в вузах и колледжах в период пандемии Covid -19. Установлено, что молодежь в целом с пониманием отнеслась к ограничениям мобильности, адаптировалась к дистанционной форме обучения. В статье отмечены позитивные сдвиги, которые произошли в оценке ценности семьи, любви и социальной ответственности.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, онлайн-опрос, здоровье, молодое поколение, самоизоляция, ценности.

Для цитирования: Дакирова С.Т. Смыслы и поведенческие характеристики учащейся молодежи в условиях пандемии // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 2. С 69-72.

Original article

MEANINGS AND BEHAVIORAL CHARACTERISTICS OF A STUDENT YOUTH IN A PANDEMIC

Svetlana T. Dakirova

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Abstract. The article discusses the main meanings and characteristics of the behavior of young people studying at universities and colleges during the Covid-19 pandemic. It was found out that young people, in general, were sympathetic to the limitations of mobility, adapted to distance learning. The article notes the positive changes that have taken place in the assessment of the value of the family, love and social responsibility.

Key words: coronavirus pandemic, online survey, health, young generation, self-isolation, values.

For citation: Dakirova S.T. Meanings and behavioral characteristics of student youth in a pandemic // Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(2):69-72.

Введение.

Пандемия коронавируса стала фундаментальным вызовом для современного общества, за рекордно короткий срок изменив жизнь миллионов людей во всем мире и повлияв на их

социально-психологическое состояние. Молодое поколение, в отличие от населения среднего и старшего возраста, особенно тяжело переживает пандемию Covid -19 [1].

В медицинской литературе отмечается, что эпидемия возникает тогда, когда заболевание распространяется на территории целой страны или региона. Согласно критериям ВОЗ (Всемирной Организации Здравоохранения), пандемия объявляется тогда, когда вспышка нового заболевания, к которому у человека нет иммунитета, отмечается во всем мире, унося жизни огромного числа людей. Пандемия коронавируса представляет собой уникальное явление, так как к моменту ее объявления не только в медицине, но и в социуме отсутствовали «модели представления» о том, что же представляет собой данное заболевание.

Пандемия Covid -19 влияет на устоявшиеся представления о социальной солидарности, поставив в зону риска основу социальности – взаимоотношения людей. Тенденции роста социальной изолированности и одиночества в сложившейся ситуации могут перейти в устойчивую характеристику современного социума. Этому может способствовать все большая цифровизация общества и социальных отношений [2]. Особенно трудно приспосабливается к жизни в условиях пандемии молодежь, как наиболее мобильная группа. Режим самоизоляции принципиально влияет на ритм жизни каждого молодого человека и влечет за собой ряд новых вызовов и ограничений, требует признания ответственности не только за свое здоровье, но и за здоровье окружающих.

Основной целью проведенного исследования является анализ поведенческих характеристик молодежи в условиях пандемии, выявление позитивного и негативного воздействия пандемии на повседневную жизнь молодежи.

Материалы и методы исследования.

Сбор данных осуществлялся посредством цифровых каналов коммуникации (электронная почта, мессенджеры) в целях выявления реакции молодых людей на изменения, вызванные пандемией Covid -19, в их повседневной жизни. В анкетировании приняли участие учащиеся ссузов и студенты саратовских вузов.

Результаты исследования.

Пандемия коронавирусной инфекции изменила привычный уклад жизни молодого поколения. Любой экономический кризис всегда влияет на эмоциональное состояние людей, особенно на молодые группы, которые больше всего от него страдают [2]. Экономические кризисы нанесли ощутимый удар, прежде всего, по молодежи, как по самой уязвимой группе на рынке труда [3]. Бизнес заинтересован в трудоустройстве высококвалифицированных специалистов, однако, молодежь, в силу возраста, не обладает соответствующим опытом или компетенциями, и безработица среди выпускников вузов прогрессирует.

В рамках исследования выявлено, что чаще всего респонденты упоминали о визуально наблюдаемых эпидемиологических ограничениях – масках, социальной дистанции, принуждении к вакцинации: «носим маски», «устали общаться на расстоянии», многие упоминали «дефицит общения», «ограничение свободы передвижения». Большинство респондентов в интервью жаловались на замкнутость, полную изолированность от внешнего мира, подчеркивали, что лишены возможности заниматься спортом или посещать те или иные культурные мероприятия. Женская группа опрошенных чаще говорила о том, что их жизнь кардинально изменилась в этот период, нежели мужская. Изменения ощущаются не только в материальном плане, но и в эмоциональном. Разумеется, здесь прослеживается прямая зависимость между возрастом и склонностью к тревоге и стрессу в восприятии пандемии. Девушкам более свойственно испытывать тревогу и подавленное настроение.

Многие называли экономические последствия пандемии. Одни только констатировали ее негативное влияние на состояние экономики – («нестабильность доходов», «рост цен на фаст-фуды»), другие жаловались на материальные трудности разной степени остроты («ухудшение качества жизни) или сообщали «о потере работы из-за пандемии», либо об отсутствии вакансий. Довольно часто люди говорили о страхе «за свое здоровье и здоровье близких», нервозности. Часто заходила речь об ограничении социальных контактов, «труд-

ностях в общении с близкими из-за пребывания в изоляции», «изменении в режиме учебы и жизни».

Среди других, чаще упоминаемых проявлений влияния пандемии, стоит отметить проблемы в сфере образования, которые связаны, главным образом, с внедрением дистанционного обучения. «В каких-то ситуациях положительно, а в каких-то - отрицательно. Например, на практических занятиях, где приходится делать расчеты в программном обеспечении. Когда это все показывает преподаватель на своем экране, иногда намного удобнее смотреть это не с тусклого экрана проектора, а с другого устройства. Другое дело, когда речь идет об лекционных материалах и дискуссиях по какому-либо вопросу, где по своему опыту могу сказать, что удобнее работать очно, на дистанте вовлеченность в этом плане более низкая» (юноша, 21 г.). Переход на удаленный формат обучения не всем пришелся по душе: «материал не всегда понятен без объяснения преподавателя», «отрицательно влияет на качество образования», «не нравится обучение с помощью онлайн - лекций, с помощью образовательных онлайн - ресурсов, «не хватает живого общения, непосредственно с преподавателем и однокурсниками». Таким образом, приходится констатировать, что дистанционный формат обучения снижает качество образования, но это реальность, с которой столкнулись абитуриенты и студенты в период пандемии коронавируса.

Многих заставляет нервничать принуждение к вакцинации, некоторых это травмирует: «Я очень боюсь, что заставят сделать прививку...напрягают с прививками на подработке, я не обязана делать прививку» (девушка, 22 г.).

Вместе с тем пандемия помогла ряду респондентов острее почувствовать ценность семьи и больше ею дорожить. Страх потерять близких побудил внимательнее относиться к своим родным, «стала ценить родных и близких, уделять им больше внимания» (девушка, 20 лет), «больше любить стал свою семью, больше ценить близких» (юноша, 23 г.), «больше любви захотелось дарить своей жене и ребенку» (юноша, 22 г.). Позитивное влияние пандемии также отметили молодые люди, которые совмещали учебу с работой в сфере услуг: «я работаю в такси, заказов стало больше» (юноша, 21 г.). Более того, ряд опрошенных молодых людей нашел эффективные способы оставаться на связи с друзьями и близкими, а некоторые стали больше усилий вкладывать в учебу, чтобы повысить свои шансы на дальнейшее трудоустройство.

Заключение.

Таким образом, молодежь в целом преодолела жизненные трудности, вызванные пандемией Covid -19. С одной стороны, произошло укрепление ряда смыслов: ценности семьи, близких, общения с ними и ценность самой жизни. Девушки признают сильное влияние пандемии на свою жизнь значительно чаще, чем юноши. Многие молодые люди утверждают, что под влиянием пандемии осознали ценность здоровья, необходимость заботиться о нем.

С другой стороны, большинство молодежи столкнулось с проблемой организации жизни в условиях пандемии. На это повлияли нехватка общения с близкими и друзьями, трудности в проведении дистанционного обучения и рабочей деятельности. В период экономической нестабильности затруднилось регулирование рынка труда молодежи. Работающие студенты выразили опасение потерять работу, а неработающие - ждут возможности получения профессионального, практического опыта.

Список источников

1. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизнедеятельность молодежи в изменяющейся реальности: особенности социального регулирования // Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики: монография / Ю.А. Зубок, О.Н. Безрукова, Ю.Р. Вишневецкий и др.; науч. ред. Ю.А. Зубок. – Белгород: ООО Эпицентр, 2021. С. 24-27.

2. Lupton D. Digital Sociology. London and New York: Routledge, 2015. 236 pp. ISBN 9781138022775

3. Дакирова С.Т. Социальное самочувствие сельской молодежи под влиянием пандемии // Островские чтения. 2021. № 1. С. 264.

4. Грушин Р. А. Проблемы трудоустройства и занятости молодежи в условиях пандемии COVID-19 // Молодой ученый. 2021. № 10 (352). С. 82-85.

References

1. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Vital activity of youth in a changing reality: features of social regulation. *Self-regulation of vital activity of youth: methodology and social practices: monograph*. Belgorod: Epicenter LLC. 2021: 24-27. (In Russ)
2. Lupton D. *Digital Sociology*. London and New York: Routledge. 2015:236
3. Dakirova S.T. Social well-being of rural youth under the influence of the pandemic. *Ostrovsky readings*. 2021;(1):264. (In Russ)
4. Grushin R. A. Problems of youth employment and employment in the conditions of the COVID-19 pandemic. *Young Scientist*. 2021;10 (352):82-85. (In Russ)

Информация об авторе

С.Т. Дакирова – младший научный сотрудник.

Information about the author

S.T. Dakirova – younger researcher.

Статья поступила в редакцию 05.05.2022; одобрена после рецензирования 27.06.2022; принята к публикации 13.07.2022.

The article was submitted 05.05.2022; approved after reviewing 27.06.2022; accepted for publication 13.07.2022.